

Андрей Вячеславович Плеханов
Лесные твари
Серия «Демид», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127402

Аннотация

Из заброшенного военного бункера выбрался наделенный беспощадным разумом и нечеловеческой логикой хищник – Карх, Король Крыс, результат радиационной мутации, неуязвимый зверь и абсолютное оружие. Демиду Коробову, поневоле ставшему охотником за монстрами, предстоит сразиться с новым, крайне опасным и коварным противником.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	22
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	36
ГЛАВА 7	50
ГЛАВА 8	59
ГЛАВА 9	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Андрей Плеханов

Лесные твари

(Демид – 2)

Бог населил живыми созданиями четыре элемента природы. Он сотворил нимф, наяд, сирен для водной стихии; гномов, сильфид, горных духов и карликов, чтобы населить ими подземное царство, а в огне живут саламандры. Все происходит от Бога. Все тела оживлены астральным духом, и от этого зависят их форма, цвет и облик. Звезды же заселены духами высшего порядка, и они вершат наши судьбы. Все, что зарождает и свершает разум, происходит от звезд...

Парацельс

Водяные, домовые, постени, лизуны, батанушки, сараешники, баенники, волосатки, кикиморы, шишиги, лешие, полевые, мавки и майки, ветрогоны, оборотни, вурдалаки, вовкулаки, упыри, кровососы, перекидыши и перевертыши, блазнителы, лукавые, игрецы, мары, мороки и многие другие представители нашей фауны нечистых требуют дальнейшего изучения, в связи с чем начинающий исследователь должен при встрече с ними проявлять особое рвение и, разумеется, информировать об открытиях общественность. Только таким способом возможно осуществить выход в свет запланированного Атласа нечистой силы Эстонской ССР и создание Красной книги нечисти.

Энн Ветемаа. «Полевой определитель эстонских русалок»

ГЛАВА 1

Жила-была одна девушка.

Жила она в большом городе.

В тот вечер девушка работала. Она сидела в ресторане, с бокалом хорошего вина в руке, и разговаривала.

«Что же это за работа такая? – спросите вы. – Вечером, в ресторане, – что это за работа?»

Девушка работала переводчиком. И в тот вечер вела беседу с мистером Феттучино – полноватым, черным и даже немного кучерявым, и, конечно, очень уверенным в себе, как и полагается итальянцу, который в семнадцать лет покинул историческую родину и приехал в Америку, в тридцать два поставил на ноги собственное дело, в пятьдесят три ощутил себя богатым в достаточной мере, чтобы попробовать начать дело в России – странной и непредсказуемой стране, где с одинаковой легкостью можно заработать миллионы и потерять все, что накопил праведным трудом своей жизни.

Такое вот начало нашей сказки. Да, чуть не забыли представить нашу героиню. Звали ее Лека. Да-да, так ее и звали: Лека. Хотя по паспорту она значилась, как Елена. Но мы же с вами знаем, что имя определяет очень многое – и характер человека, и привычки его, и даже, говорят, цвет глаз. Так что Бог с ним, с паспортом. Уверяем вас, что это была самая настоящая Лека, со всеми вытекающими последствиями.

Увы, мистер Феттучино не знал этого, а потому спокойно пил Мартини Бьянко и курил тонкую коричневую сигаретку. Хотя, обладай он даром провидца, давно бы бросился в кассу Аэрофлота и купил билет на первый попавшийся самолет.

Не все обладают таким даром.

– Слышь, генацвале, на пару слов тебя можно?

Парень, подошедший к столу, выглядел вполне прилично и даже миролюбиво. Светлые волосы, падающие мягкими прядями. Белые, мятые по последней моде брюки, шелковая рубашка, расстегнутая на три пуговицы, толстая цепь на загорелой и безволосой груди.

Златая цепь на дубе том.

Печатка на руке тоже была золотой. А татуировка – синей, без всяких цветных модностей.

Нет, это не бык. Дохловат он для быка. Но все равно он мне не нравится.

– What does he say? ¹ – Итальянец уставился на парня с явным интересом, черные его глазки глядели снисходительно.

Идиот. Экзотикой наслаждается! Russian Ivan. Матрешки, балалайки. Идиот!

– Nothing. ² – сказала Лека. Повернулась к белобрысому. – Он не генацвале. Он вообще по-русски не понимает...

– Айзер твой папик? – Типчик наклонился к Леке и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Он итальянец. Он иностранец, понимаете? Я вас прошу... У него связи в администрации и все такое. Его сам губернатор принимал. Не надо никаких эксцессов. Он не ваш...

– Он не наш. – Парень выпятил нижнюю губу. – Это понятно. Наши черными не бывают. Он черный и богатый. Он совсем не наш!

Он повернулся и побрел к своему столику. Обернулся, посмотрел на Леку и снова пошел восвояси.

– Who is this persone? – Итальянец все же забеспокоился. – Who's this guy? ³

– Nothing special. That's mistake. Sorry. ⁴

– Nazy, – произнес Феттучино. – Он выглядит, как наци. Я хорошо представляю, что это такое. Достаточно пожить итальянцем среди спесивых янки, чтобы узнать, что это такое. Ему не понравился цвет моих волос и мой нос, слишком похожий на еврейский. Они могут улыбаться, но они никогда не полюбят тебя. Это можно даже не переводить.

Наци? Фашист? Может быть... Хотя парень не считает себя таковым, он просто не любит черных. Это же так естественно – не любить черных. Влипла? Говорила мне Верка: «Не суйся в этот ресторан с итальяшкой! Иди в „Океан“, как все». Нет, заладил Феттучино: «Хочу настоящей русской кухни! Хочу понять русскую душу!» Сейчас узнаешь, что такое русская отбивная.

– Кстати, где же наш партнер, мистер Коробов? Конечно, я понимаю вашу специфику, но должен заметить, что в правилах успешного бизнеса...

– Мистер Феттучино, извините... Я считаю, мы должны покинуть этот ресторан. Немедленно, из соображений безопасности.

– Вот как? – Брови итальянца медленно поползли вверх. – Вы думаете, этот мальчишка может меня испугать? Когда в начале шестидесятых я подметал улицы Бронкса, нож посто-

¹ Что он говорит? (англ.)

² Ничего (англ.)

³ Кто это? Кто этот парень? (англ.)

⁴ Ничего особенного. Это ошибка. Прошу прощения. (англ.)

янно был у меня под рукой, вот здесь. – Чарльз похлопал по себя поясу. – Я никого не боялся. Никого! Я был быстр и худ. Я был дерзок, но девушкам это нравилось. Да-да, Чарли Феттучино нравился черноглазым гибким девчонкам! Вы думаете, что Россия – чемпион мира по преступности? Мне приходилось видеть кое-что похуже. Итальянский квартал шестидесятых – вот что научило держать меня голову. Я никогда не был мафиози, я стремился к респектабельности. Но я не привык бояться юнцов.

Вот и дерись с ними сам. И где эта скотина Демид? Я его убью! Вечно отдувайся за него!

– Чарли... – обворожительные улыбки редко удавались Леке, но эта, кажется, вылепилась неплохо. – Давайте уйдем, Чарли. Я знаю одно великолепное заведение. Там чудесная рыбная кухня!

– А мистер Коробов? Это может расстроить нашу договоренность.

К черту договоренность! Жить тоже хочется.

– О, не беспокойтесь! Я думаю, мы имеем дело с обычным недоразумением. Демид действительно заинтересован в вашей поддержке. И его проект заслуживает внимания...

Замороженные бараны эмбрионы. Маразм полный!

– Хорошо, хорошо... – Феттучино привстал, его пестрый галстук-полотенце сделал молниеносное движение, пытаясь залезть в тарелку с салатом, но итальянец успел придержать его рукой. – В конце концов, мы можем поехать в мой отель...

Глазки-то как заблестели! Думаешь, ради спасения демидовой сделки я к тебе в постель полезу? Черта с два! Что бы итальяшке такое сказать, чтобы не обиделся?

– Извините, Чарли. Я думаю, нам лучше перенести встречу. В конце концов, господин Коробов...

– Привет! – Демид влетел в ресторан – мокрый от пота, в несвежей рубашке, с растрепанными волосами. – Good evening⁵, мистер... э-э... Феттучино. Прошу извинения за опоздание. Машина сломалась.

И сует итальянцу лапу, в самом деле грязную от машинного масла. Руки помыть не мог. Как есть скотина.

– Nice to meet you... – Чарли озадаченно посмотрел на Демидову красно-коричневую клешню и осторожно дотронулся до нее волосатыми пальцами. – Oh, I see! Russia⁶...

– Ни черта ты не понимаешь. – Демид повернулся к Леке. – Слушай, он по-русски сечет?

– Нет.

– Слава богу. Лека, ты что, совсем свихнулась?

– Чего?!

– Какого черта ты притащила его в этот гадюшник? Приличного места не нашла?

– Он сам уперся, упрямый как осел! А ты... Ты опоздал на сорок минут! Знаешь, кто ты после этого?

– Знаю. Я же тебе сказал русским языком – машина у меня сломалась. Бензонасос сдох. Я, знаешь, движок не хочу запороть, даже из-за богатого итальянца. А если бы знал, куда ты меня затащишь, вообще бы не пришел. Сама бы выпутывалась. Вон, полюбуйся на ту парочку.

Двое краснощеких хлопцев в косоворотках встали у выхода. Смотреть на них было одно удовольствие – кровь с молоком.

⁵ Добрый вечер (англ.)

⁶ О, я понимаю! Россия... (англ.)

– Братья Черникины, – сказал Дема. – Борются за национальную идею – в основном методом отнятия денег у лиц нерусской национальности. Мелкая шпана, но настроение твоему буржуину испортить могут. И физиономию тоже.

– Никакой он не мой. Твой он! Я, в конце концов, просто переводчик. Это тебе деньги нужны.

– Притащила его сюда ты. Значит, он твой. Вот и разбирайся сама.

– Sorry⁷, – влез в разговор слегка ошарашенный итальянец. На английском, естественно. – Нельзя ли уточнить наши планы на сегодня?

– Ага. – То, что изобразил Дема, никак не походило на джентльменскую улыбку – скорее на кривую улыбку киношного негодяя. – Все о'кей. Мистер Феттучино, вы знаете, что такое направленная мутация?

Как всегда – сразу быка за рога. Безо всяких церемоний.

– Направленная... э... как вы сказали?

– Мутация. – Дема отломил половину бутерброда и запихнул его в рот, что сразу придало его английскому языку голландский акцент. – Вы жнаете, как детей в пробирках делают?

– Имею определенное представление. Но какое отношение это имеет к мясной промышленности?

– Ошношение прямое. – Демка глотнул как яичная змея, и бутерброд со стуком свалился к нему в желудок. – В пробирках можно выращивать любых животных – барашков, свиней, кроликов. Даже слонов. Можно сделать целый конвейер по производству мяса. Знаете только, в чем проблема?

– В чем?

– Каждая такая свинья или корова, выращенная в искусственной питательной среде, обойдется вам в пятнадцать-двадцать тысяч раз дороже, чем рожденная естественным, так сказать, образом.

– Замечательно! – Ситуация, похоже, начала забавлять Чарльза. – Это что, новый, никому неизвестный способ выкидывать деньги на ветер?

– Это способ *заработать* деньги. Такие деньги, что вам и не снилось. – Дема зашарил голодным взглядом по столу, но Лека уже все съела, а отнимать тарелку с салатом у Феттучино Демид не решился. – Конечно, если использовать эмбрионы обычных коров, пусть даже породистых, то ничего путного не выйдет. Выход прост! Нужно создать породу животного с нужными нам свойствами – чтобы оно росло на искусственной среде как на дрожжах, быстро достигало нужной массы, было нетребовательно к пище и, к тому же, обладало замечательным, вкусным и нежным мясом. Таким, знаете ли, как молочная телятина. Из нее превосходно получаются эскалопы по-корсикански: с базиликом, тимьяном, обваливать в муке, обжарить с лучком, немного хорошей мадеры...

Дема голоден, как пес. Сейчас он захлебнется слюной.

– Но в этом нет ничего нового, мистер Коробов. Селекция существует испокон веков. И достигла, сами понимаете, немалых успехов.

– Селекция? Да это каменный век! Ждать сто лет, пока природа случайно подкинет нам более или менее подходящий материал? Направленная мутация – вот суть новой технологии, моего ноу-хау, которое я хочу вам предложить.

– Очень интересно. – Итальянец вертел в руках очередную сигаретку, словно раздумывая, заслуживает ли она доверия – как и все, что окружает его в этой стране. – И в какой же стадии находятся ваши разработки?

⁷ Извините (англ.)

– В самой успешной. Теоретически уже все просчитано. Экспериментально... ну, тоже, можно сказать, подтверждено. Могу представить вам смету на оборудование. Речь идет о каких-то копейках: полтора миллиона долларов для производства первой линии. Последующие обойдутся дешевле, на тридцать два процента каждая партия из пяти конвейеров. Окупаемость составит...

Ну все, понеслось.

– Извините, мистер Коробов. Я бы сказал, что речь идет о совсем немалых деньгах, тем более с учетом инвестиционного риска данного проекта. Вы уже предлагали кому-нибудь осуществление вашего предприятия?

– Нет, что вы. Коммерческая тайна, сами понимаете.

Трепло. Полмира, наверное, уже знает о твоей линии по производству съедобных мутантов. Фу, мерзость какая. Как звали этого немецкого чеха? Франц его звали. Ты, Дема, возил его на дачу на своем коптящем жигуленке, поил нефilterованным пивом и кормил превосходным шашлыком. Но когда ты с восторгом выложил ему, что сей шашлычок изготовлен из мутировавшей нутрии с пятью ногами, бедного Франчека вырвало. Потом в твои лапы попал настоящий американец. Он был очень приветлив, даром что был миллионером. Вы ездили с ним на яхте и пили водку. Обнимались, хором пели «Let it be» и клялись в дружбе вечной, бесконечной. Договор был на мази. Но когда бедный Дэйв по пьянке заявил, что Россия – лишь сырьевой придаток Запада, ты схватил его за грудки и выкинул за борт. Дело было в апреле и Дэвид не утонул только по счастливой случайности. Хороший парень, между прочим. Даже не обиделся, только денег не дал. А Клаус? Верзила Клаус из ЮАР. Ты обхаживал его как принцессу, потому что он был из Африки, а ты собирался накормить голодающих негров своим дешевым мясом. Ты сломал Клаусу челюсть, когда он пытался залезть мне в лифчик. Одним ударом. Ты был прав, конечно. Но денежки тью-тью...

Лека вздохнула.

– Мистер Коробов, все это замечательно, – сказал итальянец. – Я бы не стал вдаваться в технические детали проекта, поскольку не являюсь узким специалистом в этой области. Моя работа – менеджмент и маркетинг. Вы представляете, что это такое?

Ну конечно, откуда нам, азиатским невежам, знать, что такое маркетинг? А также консалтинг, инжиниринг, лизинг, охрениринг и прочая лабуда? Мы ж только с деревьев слезли...

– Мистер Коробов, – продолжал между тем Феттучино, – рынок мясопродуктов развитых стран сформирован давно. Более того, имеется устойчивая тенденция к перепроизводству. Сами понимаете, существуют немалые проблемы со сбытом продукта. Временами разгораются настоящие торговые войны: к примеру, между Британией и Европейским Сообществом. Притом это мясо высочайшего качества, смею заметить! Достаточно малейшего намека на его недоброкачественность, как это было недавно в Британии со случаями коровьего энцефалита, и тысячи тонн мяса идут на свалку. Вы готовы к оплате издержек?

– Европейское и американское мясо, может быть, и высокого качества, но и имеет немалую цену, – заявил Демид. – Цену эту держат искусственно, и любой, кто попробует эту цену снизить, будет разорван на кусочки и развеян по ветру. Знаю я ваш маркетинг. Суть заключается в том, что я не собираюсь лезть на ваш рынок со своим мясом. В мире есть сотни стран, в которых тысячи людей умирают от белкового голодания. Вы когда-нибудь ели саговые опилки, господин Феттучино?

– Подождите, подождите. – Феттучино побагровел. – При чем тут я? Вы что, не знаете, что представляют из себя африканские княжества? Они берут в долг и расплачиваются обещаниями. Вспомните, сколько денег отдала им Советская Империя. И что она получила взамен – пару слонов в зоопарк? Вы хотите повторить подобный филантропический опыт, господин Коробов? Да, в России работать тяжело, но Африка по сравнению с ней – сущий

ад. Говорят, что инвестиционный риск там – восемьдесят процентов. А по моему мнению – все сто процентов, а может быть, и двести!

– Я – филантроп? – Демид посмотрел на итальянца так, что тот съежился. – А почему бы и нет? Мое изобретение может накормить все человечество. Моя говядина будет питаться любой органической массой. Ей не будет нужен комбикорм, пшеница, сочная трава. Она будет фантастически дешева. И фантастически вкусна.

– Но принесет ли это пользу человечеству? По-моему, накормленное человечество – страшная картина. Сытая Африка, где лоснящиеся миллиарды негров копошатся и плодятся, как кролики. Да, сейчас сорок процентов людей, живущих на планете, недоедают. Но уверяю вас: эти карлики с раздутыми животами, тонкими ручками и ножками – не лучшая часть человеческого генофонда. Естественный отбор закончился. Природа не терпит пустоты, она убьет лишних людей, как бы вы не хотели их сохранить. Не голод, так СПИД. Не СПИД, так война.

– А я и не собираюсь никого спасать, – зло сказал Демид. – Вы, оказывается, неомальтузианец, господин Феттучино. Знаете ли, у каждого человека есть свои принципы. У меня они тоже есть, Чарли. Если я знаю, что не в силах изменить что-либо, то не буду рвать себе волосы, плакать и стенать о несбыточном. Но если я уверен, что дело мне по силам, я возьмусь за него, и буду его делать, чего бы мне это не стоило. У нас, в России, мой проект может осуществиться очень успешно. И принести немалые деньги – и нам, и вам.

– Деньги, деньги... – Итальянец усмехнулся и покачал головой. – Знаете что, Демид? Если меня что и пугает, то именно глобальность ваших идей. Если бы вы предложили мне построить завод по производству консервированного ризотто и гамбургеров в жестяных банках, я бы отнесся к этому как к привычному бизнесу. Ваш же проект требует длительного осмысления. И, разумеется, тщательнейшей технической экспертизы. Что значит «мутировавшие животные»? Как вы заставляете их изменять свои генетические свойства? Подвергаете жесткому гамма-излучению? Расстреливаете эмбрионы из кобальтовой пушки? Можете ли вы дать гарантию, что у людей, употребляющих такое мясо, не будут рождаться дети с двумя головами?

Он не идиот, этот Чарльз, далеко не идиот. Он очень образован, между прочим. Он схватывает все на лету. И ничего хорошего в этом нет.

– Господин Феттучино, моя технология уникальна. Мое мясо не мутагенно. Если вы попробуете его хоть раз в жизни, то не захотите больше никакого другого – никогда. Что же касается санитарной экспертизы... – Дема ткнул пальцем прямо в ростбиф, недоеденный итальянцем. – По сравнению с моей телятиной то, что вы едите каждый день – скопище стафилококков, рассадник бруцеллеза, трихинеллы и прочих отвратных гадостей, измазанное экскрементами и напичканное предсмертным адреналином.

Кожа Феттучино быстро потеряла багровость и приобрела неестественно бледный оттенок.

Дема, как всегда, неотразим в своих аргументах. Очень кстати за столом. Интересно, стошнит господина Феттучино или нет? Ручаюсь, что недели две мяса он есть не будет.

– Прошу извинения, миз, – быстро сказал Феттучино. – Мне нужно выйти.

Стошнит.

Дема оторвался от беседы и вспомнил, где в настоящий момент находится. Братья Черникины все так же бодро подпирали косяк и начисто перекрывали выход в уборную.

– Черт возьми, – сказал Дема по-русски. – В сортир ему захотелось. Это от Мартини.

– Да, как же, от Мартини... От тебя его блевать потянуло. Иди, проводи его. Только не убей по пути никого.

– Ага. – Дема вскочил. – Мистер Феттучино, лет ми фоллоу ю. Вомитинг? Велкам ту лаватори⁸.

Само изящество и вежливость... Тебе бы по Европам ездить, Дема! Изысканнейший человек!

Феттучино пулей вылетел в дверь. Черникины услужливо расступились и пропустили его, а также Дему, хвостиком семенящего следом. А потом кинули ленивый взгляд на Леку (почему на меня все так многозначительно таращатся?) и медленно, с чувством собственного достоинства, направились к ♦туалету.

– Тебя как зовут? – Блондинчик уже стоял здесь.

– Медуза, – сказала Лека. – Медуза Горгона. Не пялся на меня так, окаменеешь.

– Кое-что у меня уже окаменело, – сказал блондинчик. Не хочешь посмотреть?

– Нет.

Что делать? Бежать в сортир на помощь Демиду? Неудобно как-то. Дать этому типу в морду? Прибежит еще десять таких. Ну точно влипла.

– Ты это... – примирительно сказал блондин, – мужичков своих не жди. Их это, отоварили уже. Да ты не расстраивайся. Не дело это – со всякими черными связываться. Не понимаю я этого. Что, своих русских не хватает?

– Слушай, у тебя работа есть?

– Ну, есть. – Парень нерешительно топтался на месте. Не таким уж и крутым он был. Прав был Дема – шпана мелкая. – А чего? Может, в секретарши ко мне пойдешь?

– У меня тоже работа есть. Работа у меня такая – переводчик. Понимаешь?

Из туалета раздался рев трех глоток одновременно. Лека вскочила, но ее вмешательство уже не требовалось. Дверь распахнулась и оттуда вывалился толстяк Феттучино. Под глазом у него красовался свежий фингал, галстук был оборван наполовину и затянут на жирной шее так, что непонятно было, чем господин Феттучино дышит. Глаза его лезли из орбит – то ли от нехватки кислорода, то ли от возмущения. Ширинка Феттучино была расстегнута. Нетвердым шагом двинулся он к Леке. Блондин ухмыльнулся, достал из кармана кастет – аккуратный, никелированный, и медленно надел его на руку.

– Сейчас будем веселиться, – произнес он деловито.

Где Демид? Неужто его достали?

Из туалета независимой походкой вышел Дема. Выглядел он, пожалуй, лучше, чем полчаса назад. Умытый, даже причесанный. В руке он нес две пары штанов, которые только что украшали мясистые ляжки братьев Черникиных. Дема скомкал их в узел и закинул на ресторанный люстру. Люстра закачалась и едва не свалилась ему на голову.

– Приношу свои извинения, мистер Феттучино, – сказал он громко. – Я куплю вам новый галстук.

Феттучино уже не слышал его. Потому что картина, которую он увидел, не могла приниться ему даже в страшном сне. Пятеро или шестеро молодцов со ржанием вскочили из-за столиков и бодро двинулись к нему через зал. Дверь туалета слетела с петель и оттуда, стискивая друг друга животами, с отборным матом вывалились два братца – оба в сидцевых семейных трусах до колена.

Лека опередила всех. Она схватила блондина за руку с кастетом, и пока тот с тупым мычанием пытался освободиться, въехала ему лбом в нос. Не очень сильно. Так, чтоб не убить.

⁸ Мистер Феттучино, позвольте мне проводить вас. Тошнит? Добро пожаловать в уборную. (искаж. англ.)

Пусть живет.

Блондин упал, выпал из поля зрения. Лека в три прыжка оказалась рядом с ошалевшим итальянцем, схватила его за рукав и потащила к выходу. Кажется, она кричала что-то – по-русски, переводу не подлежащее. А может, это матерились братья Черникины, которых Демид вколачивал обратно в туалет как костыли в шпалы. "Porco madonna!!!"⁹ – орал оживший Феттучино, когда бил в морду швейцару – ни в чем не виноватому, а может быть, как всегда, виноватому во всем. В такси остро воняющий потом Феттучино перестал выражаться, застегнул ширинку, достал платок и приложил его к глазу.

– Черт возьми, – сказал он. – Давно не попадал в такие заварушки. Да, потерял я форму. Потерял.

Лека молчала. Что она могла сказать?

– Как Коробов? – Феттучино морщился от боли. – Мы оставили его одного. Очень плохо. Там целая банда. Нужно вызвать полицию.

– Не нужно. – Лека смотрела в окно. – Он сам разберется. Это же Демид.

– Ну, как он? – Демид был спокоен, как удав. Ну конечно, чего ему беспокоиться?

– В порядке. Он ничего оказался, этот Феттучино. В молодости, наверное, всякого повидал. Tobой восхищался. Спрашивал, не хочешь ли ты пойти к нему в телохранители?

– В телохранители? Круто... А о моем проекте?

– Ничего. Ни слова.

– Понятно, – сказал Демид. – Это понятно.

– Зато мне ничего не понятно! – заорала Лека. – Что произошло?! Как ты мог допустить, что эти два урода, два жирных индюка, добрались до Феттучино? Зачем ты это сделал?

– Да, я сделал это. Я задержался – секунд на десять. – Глаза Демиды, обычно затуманенные серой дымкой, вдруг обрели кинжальную ясность. – В конце концов, я тоже человек, я не машина. Имею право на слабости. Мне стало обидно, что этот чванливый Чарли Феттучино, толстый вонючий чмошник, думает обо мне, о тебе, обо всех нас, как о полном дерьме и ничтожестве. Он понятия не имеет, что за сокровище я ему предлагаю. Он и мысли не допускает о том, что русские могут изобрести что-то путное. Я для него – прощелыга, халтурщик, даже пытающийся придумать что-нибудь, не смахивающее на полную бредятину, чтобы выцыганить у него денежки. А знаешь, что он думает о тебе?

– Плевать мне на это, – устало сказала Лека. – Опять ты за свои сказки, Демид. «Он думает... Она подумала...» Человек не может читать чужие мысли. И ты не можешь их читать. Вся эта телепатия – чушь собачья. Просто тебе хочется считать, что Чарли так думает. Ты сам придумал его мысли, на основе своего кретинского самомнения совершил суд и вынес приговор: «Денег не даст, а раз так, пускай все собаки рвут его на части!» Ты невыносим, Демид. И никогда не видать тебе денег, как своих ушей! Ты распугиваешь клиентов как болотная кикимора! Сам жри своих эмбрионов!

Слезы предательски пролились по щекам горячими дорожками, Лека опустила голову. Ей не было жалко Феттучино, не было жалко денег. Ей было страшно за Демиду – ее родного, любимого Демку. Что-то странное творилось с ним. Он менялся. Он стал

(хуже?)

нет, жестче. В стертых архивах памяти Леки зашевелились воспоминания. Когда-то такое уже случалось с ним.

До болезни? Нет, ничего не помню, и не хочу вспоминать. Я просто устала.

⁹ Грубое итальянское ругательство.

– Телепатия существует, – сказал Демид.

– Да? *(осел упрямый)* Тогда угадай, о чем я сейчас думаю! *(раз два три четыре пять вышел зайчик погулять)* Ну, давай, угадывай! *(ни черта у тебя не получится)*

– Сейчас не могу. – Демид виновато почесал в затылке. – Это иногда само собой получается, помимо моей воли.

– Все. – Лека хлопнула ладонью по столу. – Вопрос закрыт. Еще раз услышу об этом – сдам тебя в психушку.

ГЛАВА 2

Сергей встал на колени и заглянул в дыру, в пролом, обрамленный серыми заплесневелыми кирпичами. Метра на два еще можно было различить стены штольни, уходящей вниз под углом, и пол, заваленный ржавой арматурой и позеленевшими ноздреватыми обломками бетона. Дальше дневной свет не проникал. Дальше начинался густой затхлый сумрак.

Все было как обычно, бояться было нечего. Сколько таких тоннелей он уже облазил с фонариком в руках! Все они были построены людьми. Обычными людьми – не монстрами, не фиолетовыми инопланетянами, не уродливыми циклопами. Построены для обычных нужд – водоотводы, погреба, канализационные шахты, бомбоубежища, склады, подземные переходы и прочее. И забыты, заброшены за ненадобностью – иногда метры, иногда километры, иногда десятки километров запутанных подземных трахей города, выдыхающих миазмы гнилости и забвения.

Бояться было нечего.

Но все же Сергей боялся. Боялся всегда. Давил в себе ненавистный детский страх, но нелегко справляться дрожью в коленях, когда тебе всего тринадцать лет. Он покрывался липким потом каждый раз – в ту самую секунду, когда серый дневной свет истаявал до призрачного морока, а фонарик выхватывал из обрушенных углов колеблющиеся остовы подземных духов.

Не было никаких подземных духов, их просто не существовало в природе. Была лишь игра теней, превращающая сплетенные клубки проводов в извивающиеся щупальца, космы паутины в развевающиеся саваны, осколки битых бутылок в сверкающие глаза голодных хищников. И звуки – привычные, но каждый раз пугающие. Капли, уныло плюхающиеся с потолка. Недовольное бормотание ржавой воды в трубах. И шелестящий топоток горбатых голохвостых крыс, деловито перебегающих дорогу.

Все было как обычно.

нет не так

Обычный запах пустоты – полумертвой, полуживой.

нет, запах живой, слишком живой. Слишком горячий

– Здесь кто-то есть, – сказал Сергей и обернулся.

– Естественно! – Шурик сидел на пенке и жевал бутерброд. Он всегда жевал бутерброды – перед любым спуском, в какую вонючую дыру не предстояло бы запихнуть ему свое тощее тело. Сергей завидовал его спокойствию – по его мнению, запах, исходящий из шахты, мог убить аппетит на всю неделю. – Естественно, Серега, там кто-то живет. Да ты и сам знаешь, кто – крыски. Маленькие облезлые крыски с острыми зубками. Они ждут не дождутся, пока я не влезу в их квартирку, в их засранный бетонный дворец и не убью парочку-троечку-пяточек. Потом они сообразят, какой крысокиллер пожаловал к ним в гости, и разбегутся, обгадившись от страха. Ха-ха!

Шурик блеснул очками и снова вцепился в хлеб с ветчиной. Сергей отвернулся, не мог он видеть эту ветчину. От нее пахло точно так же, как из скотомогильника, на который они сдуру напоролись месяц назад. «Изддержки метода», – заявил тогда Шурик. Ну да, конечно, он всегда знал все лучше всех – Шурик Соколов, юный гений по кличке Сок, бесстрашный супердиггер¹⁰, разведчик подземного мира и кладокопатель.

гробокопатель

– Мы ведь с тобой кто? – Шурик перестал чавкать и ковырял в зубах спичкой. – Мы лучшие диггеры города! Рыжий и его два соплеглода – разве они диггеры? Разве они команда?

¹⁰ Digger – «копальщик» (англ).

Салаги они – вот кто! Им только по сортирам шарить. А мы с тобой – профессионалы. Холодный расчет и твердое сердце – вот что приведет нас к успеху. Ты знаешь, что такое теория вероятности, Серый? Это гениальная штука, ее придумал Эйнштейн. Он сказал: «Если Сок и Серый будут обшаривать каждую вонючую дыру в этом вонючем городе, они когда-нибудь наткнутся на что-нибудь путное, на что-нибудь, стоящее большие бабки!» Это научная теория, Серый, и никуда от нее не денешься. В этих подземельях спрятана целая куча всяких драгоценных побрякушек, можешь мне поверить. Они скучают по нам, они ждут, когда мы придем и возьмем их. Или ты предпочитаешь торчать на бензоколонке и протирать стекла? Нет – мне по душе только вольная романтическая жизнь диггера!

«Диггер... Братец Кролик, вот кто ты. Круглые очки и уши в трубочку. И длинные передние зубы, между которыми застряли ошметки ветчины».

Они уже натыкались на нечто путное. Проползли через канализационную трубу, по уши перемазавшись в мерзостной жиже. Кролик знал, куда они идут. У него была карта подземных коммуникаций, которую он спер у своего дяди-инженера. Он знал, но ни о чем не предупредил Серегу. Он проломил старую кирпичную кладку и влез во Дворец Наслаждений. И глупый Серега влез за ним.

Глупый. Потому что Дворец Наслаждений, Дворец Стиморола, Пепси и Гиннеса оказался обычным складом. Трухлявой коробкой, доверху набитой ящиками с жевательной резинкой, лимонадом, презервативами, сигаретами и пивом. Тогда они устроили настоящий пир. Серега в первый раз попробовал вина, затянулся сигарой, оказавшейся удушающей, как дымовая бомба. Он кашлял, и смеялся, и стрелял пробками от шампанского в своего гениального друга – диггера Кролика Сока.

Глупый. Потому что склад был снабжен сигнализацией. Плохонькой сигнализацией для дураков. Для таких дураков, как Серега с Кроликом Соком. И когда в пьяном танце Сок задел какой-то провод, все завывало. Заорали стены, заверещал потолок, залаяли собаки, ворвавшиеся в дверь. Серега не помнил, как успел протиснуться в лаз вслед за тощими ногами Кролика. Не помнил, как извивались они в гнилом пространстве бетонной трубы – столь зловонной, что собаки потеряли их след. Как обдирал себе локти и колени и затылок и как вывалился на траву – весь в чужом дерьме и собственной блевотине.

Он помнил только пачку денег, намертво зажатую в руке Шурика. Сокровище. Единственную добычу, унесенную из Дворца Наслаждений.

Этой мятой пачки хватило как раз на три бутылки «Спрайта» и несколько бутербродов с колбасой. Хотя Сереге не хотелось уже ни того, ни другого.

«Романтика... По колено в дерьме. Если бы менты нас тогда догнали, их бы просто стошнило».

– Слушай, Сок, а чего мы сюда-то лезем? Город-то вон где... А тут окраина. Здесь, небось, какое-нибудь овощехранилище было?

– Не-а. – Шурик достал из кармана мятую карту и уставился на нее поверх очков. – Вот, смотри. Здесь был секретный объект номер четырнадцать. За городом, естественно. В сорок втором в него попала бомба. Шарах – и вдребезги! А в тысяча девятьсот сорок шестом его снесли. Не стали восстанавливать, понимаешь? Только вот эти развалины и остались.

– А чего там было на этом объекте?

– Секрет! – Кролик Сок улыбнулся и стал еще больше похожим на кролика. – А нам с тобой без разницы, что там делали. Оружие какое-нибудь, наверное. Главное, что остался этот вот бункер. Класс?

«Радиация. Вот, наверное, что там живет. Не хочу я туда».

– Я туда не полезу. – Сергей встал и отряхнул пыль с коленей. – Мне это место не нравится. И вообще...

– Дурень! – Кролик Сок вскочил и замахал руками. – Дурень ты, вот кто! Это самое классное место! Знаешь, сколько времени я вычислял его? Там, наверное, аппаратура! А в ней золота, серебра, платины на контактах – завались! Лопатой гребь.

– Там что-то не так. Там кто-то есть. Может быть...

– Что? Знаю я, кого ты имеешь в виду! Король Крыс! Идиот! Это все диггерские сказки! Фольклор, понимаешь! Туфта! Нет никакого Короля Крыс! Есть только король ссунов, и это – ты! Предатель ты! И трус жалкий! Диггер, тоже мне, мать твою! Трус! Вот оно, сокровище, бери руками! Нет, он упирается еще! Тьфу!

Кролик отпихнул Серегу утлым плечом и, скрючившись буквой «зю», пополз в дыру. Сергей попробовал схватить его за руку, но Сок зашипел, как гремучая змея.

– Ну и черт с тобой!

Сергей решительно пошел прочь, но, прошагав десять метров, остановился и уселся на траву. Негоже все-таки бросать друзей.

Кто-то дотронулся до плеча Сергея и он вскочил с испуганным воплем. Это ж надо – заснул прямо здесь, на пригорке. Снилось ему всякая гадость.

король крыс

– Дрыхнешь? – Это был Шурик – грязный, как свин, и довольный донельзя. Живой и невредимый Кролик Сок, сияющий, как новогодняя елка. – Смотри, раззява! – Кролик разжал руку и Сергей увидел на его ладони коричневые закорючки, похожие на большие рыболовные крючки.

– Что это?

– Это сережки! – Кролик вытянул тощие ручонки в стороны и затапал. – Это золотые сережки! Знаешь, сколько там такого добра! Куча! Ты понял, да?! Я бы мог сказать тебе, что там ни черта нет! А я... Ты же мне друг, Серый! Мне не жалко! Там полно! Мы с тобой все, что хочешь, купим. Я себе четыре «Сеги-Меги» куплю – на каждую руку и ногу! И дельтаплан! И акваланг...

Кролик прыгал, и взбрыкивал коленками, и визжал, и показывал небу неприличные жесты.

«Он слегка сбрендил. От радости?»

Сергей протянул руку и взял с травы закорючку, брошенную его товарищем. Действительно золотая сережка, только покрытая какой-то бурой клейкой гадостью.

– Пойдем! – Кролик схватил его за руку и потащил к дыре.

Первые десять метров не представляли собой ничего особенного, тоннель как тоннель. Вот только запах... Он кружил голову и едва давал вздохнуть. Сладкий запах разложения, к которому примешивалось что-то животное. Не крысиное, нет. Скорее собачье, псиное.

– Ну? – Кролик подпрыгивал от нетерпения. – Давай, Серый, выбирай, куда дальше. Я-то знаю, знаю! А ты сам! Догадайся! Ну?!

Сергей осмотрелся. Прямо перед ним находилась большая, в полный рост дверь – массивная, овальная, с круглым колесом-штурвалом, завинчивающим вход намертво. На ржавом металле были нарисованы два полустершихся знака. Первый был желтым кругом с тремя черными треугольниками внутри и буквой "R". Сергей не знал, что это означает. Зато второй знак был ему хорошо знаком. Это был череп со скрещенными костями.

Он подошел к колесу и попытался повернуть его. Бесполезно. Ворот заржавел намертво.

«Не сюда. Понятно, что слабосильный Кролик не ходил сюда. Он слишком дохлый, чтобы повернуть эту хреновину.»

– Вот! – заверещал сзади Сок, не в силах терпеть, пока тупой его товарищ разберется с дверью. – Ты чо, zenки потерял? Вот она, дыра-то!

Он сделал заячий прыжок в сторону и полез в дыру справа. Там, в стене, бетон был проломлен, словно его разворотило взрывом. Треугольное отверстие ощерилось зубами ржавой арматуры. А между ржавыми зубами застряли обрывки пестрой ткани.

сюда Король Крыс затаскивал свою добычу. Он тащил сюда детей и головы их стучались об бетон, болтаясь на перекушенных шеях и одежда их цеплялась за прутья

– Кролик! Надо сматываться отсюда!

Кролик ненавидел, когда его называли кроликом. Но сейчас он даже не обратил на это внимания. Он уже сидел там, копошился в куче какого-то хлама. Маленький сумасшедший кролик.

Сергея потянуло к дыре. Он не хотел туда идти, больше всего на свете ему хотелось убежать из этого чертового склепа и больше никогда не спускаться под землю. Но что-то оттуда позвало его и ноги сделали шаг к пролому помимо его воли. Он едва успел схватиться за острые края дыры, чтобы не нырнуть внутрь. Руки еще слушались его, они держали его, боролись с предавшим телом и не пускали его туда.

Потому что он знал, что *там* он уже перестанет быть самим собой. Он сойдет с ума, как Сок. Он превратится в кого-нибудь другого

(кролика?)

просто в еду. Еду для Короля Крыс.

Сергей открыл глаза и увидел перстень. Их было много здесь – перстней и колец, тускло сияющих гранями драгоценных камней в свете фонарика. Перстень был надет на палец. А палец лежал на груди таких же пальцев, аккуратно отрубленных

(откушенных?)

и лежавших вместе с ушами, из которых Кролик с радостным визгом вынимал сережки, запястьями, на которых еще были браслеты и

нет, дальше видеть не могу

Сергей понял, в чем были перепачканы сережки, которые Кролик вытащил на поверхность. Кровью.

Король Крыс был здесь. Мальчик не мог видеть его, но слышал. Уловил его зов – беззвучный, но непреодолимый. Волна чужой зловонной воли захлестнула его и потащила внутрь как на канате.

– Нет! – Сергей не был слабаком, он не собирался просто так, без борьбы, сложить лапки и залезть в пасть этому уроду, кем бы он не был. – Нет!!! Слышишь, ты, крыса вонючая, отцепись! Отпусти меня, сволочь!

Еще рывок. Сергей удержался. Нога его поднялась, собираясь перелезть через край, но он упер ее коленом в бетон – резко, с размаху, так что прут пропорол брючину и впился в кожу. Красное пятно поплыло, пропитывая джинсовую ткань. Боль обожгла раскаленным стержнем до самого паха.

Боль отрезвила Сергея. Он напряг мышцы изо всех сил и отжался от пролома, почти уже всосавшего его в себя. Он задел головой за трубу, так что в ушах зазвенело. Но новая боль доставила ему радость – добавила новую частицу к его освобождению.

Куча тряпья, едва различимая в темноте за Кроликом, зашевелилась. Тряпки медленно падали и падали, потому что обитатель склепа поднимался на ноги. Наконец он выпрямился в полный рост, встал на все свои уродливые конечности. И облизнулся.

Сергей завизжал. Он никогда не мог представить, что наяву может существовать такое. Король Крыс. Он выглядел как...

– А-а-а!!! – Сергей рванулся назад, оторвался, отлепился от бетона. Король Крыс был занят. Он разрывал на части Кролика, расчленял его с мастерством лучшего мясника. Кролик лишь тонко взвизгивал, когда кинжальные зубы впивались и рвали его плоть. Руки его еще тянулись к заветным побрякушкам, но уже не принадлежали хозяину.

А обезумевший мальчишка Сергей полз к выходу, оставляя свою кровь на острых камнях.

Король Крыс отпустил его. Потому что он хотел встретиться с *другим*.

ГЛАВА 3

– Демид Петрович, к вам пришли!

– А, что еще? – Дема оторвал прищуренный глаз от микроскопа. Не любил он, когда его отвлекали.

– Мужчина пришел к вам, говорю. Очень солидный такой. На военного похож.

Мария Митрофановна, кандидат биологических наук, старший преподаватель, развела руками, показывая, каким, по ее мнению должен быть солидный мужчина, да еще похожий на военного. Судя по размаху рук, в мужчине было росту метра два с лишком, а объемом он превосходил бегемота. Учитывая предпенсионный возраст Марии Митрофановны, интерес ее к мужчинам оставался еще немалым.

Мужчина оказался совершенно не таким. Крепкого сложения, в самом деле, но среднего роста. И очень средней внешности – если не считать глаз.

Глаза были умными. Не въедливыми, царапающими всезнанием, не умудренно-усталыми, а просто умными и спокойными. Такие глаза могли принадлежать человеку, которого Демид относил к редко встречающейся категории «не мудаки».

И костюм. Очень хороший костюм. Сам Дема не носил пиджаков, но вполне мог оценить это произведение искусства из серой тонкой шерсти: безусловно, ручной работы, что-то неоклассическое, скорее всего, итальянское – сшитое с безукоризненным изяществом и придающее своему хозяину вид аристократа.

Или секретного агента.

– Коробов, Демид Петрович? – мужчина привстал со стула и даже слегка наклонил голову, и даже слегка улыбнулся. Словом, сама учтивость. Но вот манера начинать с фамилии...

– Он самый. Чем обязан, товарищ подполковник?

– Майор. – Мужчина усмехнулся. – Всего лишь майор. Запаса.

– Вот про запас – вы зря. – Умел быть Дема назойливым, даже противным. – Вы, товарищ майор, все еще при исполнении – это заметно невооруженным глазом. А подполковника вы еще получите, и даже полковника. А может быть, и выше пойдете. Если коллеги не сожрут.

– Не в том русле у нас с вами разговор пошел, Демид Петрович. – Мужчина посерьезнел. – Демонстрируете мне свои блестящие психологические способности? Я осведомлен о них достаточно. Как и многих других ваших талантах, многие из которых с трудом укладываются в рамки российского закона.

– А я вот про вас ничего не знаю, – заявил Демид. – И потому не буду разговаривать с вами, пока вы не представитесь. Потому что меня распирает от любопытства.

– Пожалуйста. – Мужчина полез во внутренний карман и извлек оттуда

красную книжечку? табельный пистолет «ПМ»?

просто визитную карточку, на которой значилось: «Антонов Валерий Федорович. Эксперт.»

– И это все? – Дема хмыкнул. – Эксперт... С таким же успехом можно было бы написать: «Человек». Эксперт по каким вопросам? И при каком учреждении? Том самом, которое обладает особыми полномочиями, но притворяется, что его вообще не существует в природе?

– Что-то типа этого. – Мужчина деликатно вынул визитку из пальцев Демида и спрятал в карман. – Я думаю, при дальнейшем знакомстве вы разберетесь, какого именно рода информацию мы надеемся от вас получить.

«Феттучино. Это козе понятно. Нажаловался, паскуда, что по чайнику ему настучали. Будут теперь разборки – как посмели, почему не уберегли, уронили репутацию страны и все такое... Ой, бодяга...»

– Я не виноват, – сказал Дема. – Между прочим, это ваш недосмотр: полный ресторан натуральных нацистов, а вам хоть бы хны. К тому же, этот Феттучино лично ко мне никаких претензий не предъявлял. Чего шум-то поднимать?

– Феттучино? – брови собеседника слегка приподнялись. – А, вы о итальянском господине? Не беспокойтесь – он, как ни странно, не желает заводить уголовное дело. Как и Франц Немрава, Дэвид Вэйкер и Клаус Бейль, которым вы причинили немало неприятностей. Завидная терпимость с их стороны, не правда ли? А что касается этой шайки «патриотов»... Что ж, ваше возмущение вполне оправданно. Хотите, выдам вам один секрет? – Антонов понизил голос. – Раньше иностранцев никто не бил. Никто и никогда. Это было табу. Можно было продавать фальшивые иконы французам, плевать на ботинки неграм, даже красть чемоданы у финна. Но вот чтобы бить морду американскому миллионеру в сортире – такого еще не было!

– Нравы нынче такие, – сказал Демид. – Привыкли люди ко всему. Что для них итальянский бизнесмен – тот же «черный». Не лучше армянина.

– Нехорошо, – Антонов покачал головой. – Некрасиво. Очень некрасиво. Что о нас за границей подумают?

– А то же, что и всегда: «Раздолбаи и варвары эти русские.» Вы бы лучше порядок навели, чем о престиже нации сожалеть.

– Задержали их. Задержали, кого следует. На них уже по несколько дел висит. Наглецы-недомерки. Гонор у них державный, а дела самые обычные, уголовные. Нанесение легких и средних, а также тяжелых телесных повреждений, два изнасилования, финансовые махинации, хранение оружия. Не по нашей это части.

– Так-так... – Дема забарабанил пальцами по столу. – Не по вашей части... Что же тогда по вашей? Что там еще такое за мной числится?

– Демид Петрович, я обращаюсь вам как эксперт к эксперту, как к специалисту по направленным мутациям. Профессиональная консультация – вот единственное, что нам сейчас требуется от вас, Демид Петрович.

– Что ж вы сразу не сказали?! – возмутился Дема. – Напугали меня до колик, всю кафедру на уши поставили. У нас тетки любопытные до ужаса. Изведут ведь меня – зачем, мол, Джеймс Бонд этот появлялся? Вызвали бы меня повесткой – глядишь, и пришел бы к вам.

– Сотрудницам скажите, что дядя двоюродный из Вязников приезжал – денег на опохмелку просить. В общем, сами разберетесь. А мне, Демид Петрович, желательно взглянуть на вашу лабораторию. В условиях, так сказать, непосредственного производства.

– А зачем? – Дема положил подбородок на руки и посмотрел на Антонова снизу вверх – ласковым взглядом отпетого сноба. – Вы же там все равно ничего не поймете, Валерий Федорович. Там ведь не инженерное образование нужно, а биологическое.

– Образование есть образование, – сказал эксперт. – Либо оно есть, либо его нет. У меня оно есть, смею вас заверить.

– Москва? Оксфорд? Высшая Академия?

– Все что угодно. – Антонов встал. – Пойдемте, Демид. Хватить время тянуть.

– Вот. – Демид взял в руки два проводка и дотронулся до лягушачьей лапки с содранной кожей. Лапка дернулась. – Вот так это делается. Это называется безусловный рефлекс.

– Ну и что вы этим хотите сказать?

– Как что? – Дема заставил бедную лапку подскочить еще раз. – Демонстрирую вам наше оборудование. Вы же хотели посмотреть.

– Не морочьте мне голову! Эти лапки – развлечение для первокурсников. Где ваша хваленая линия по выращиванию мутированной говядины?

– Ага, заинтересовались... – Демид упер руки в боки. – Я-то уж решил, что в нашем отечестве никому мясо не нужно. Зажрались. К кому не приду, все нос воротят. Может быть, ваша организация выделит мне смету на изготовление первой линии? Прибыль пополам.

– Где чертежи? – ровный голос Антонова не выражал никакой заинтересованности.

– Здесь, – Дема постучал по лбу. – Но в течение двух месяцев гарантирую всю документацию. Успех стопроцентный.

– Ага... Стало быть, еще и мошенничество. Попытка выманить деньги под несуществующие научные разработки.

– Есть, – сказал Демид. – Конечно, все есть. И линия, хоть и небольшая. И установка для облучения, и клоны мутантов, и образцы продукции. Но все в надежном месте. И все приостановлено. Потому что нутрии, которых я вывел, вырастают до размеров свиньи за месяц. Мясо у них обалденное, но я столько сожрать не могу. А для торговли нужно официальное разрешение – мне это не по карману. Могу подарить вам пробирку с замороженным эмбрионом кролика. Повесите его на шею вместо кулона, он принесет вам счастье. Большое счастье, смею заверить.

– Шуточки... – Антонов заложил руки за спину и зашагал по лаборатории. – Да, на бюджетные средства, конечно, не развернешься. В ваших условиях только лягушек током пытаться... – Он повернулся к Демиду и уперся в него своим растворяющим взглядом. – Демид, а вы на собаках никогда не экспериментировали? Не облучали их? Не выводили собак-мутантов?

– Нет, конечно. Какой смысл, кто их есть-то будет? В Китае, правда, едят собак, но наш человек к такому мясу не приучен.

– Недавно мы поймали одну зверушку, – задумчиво произнес Антонов. – Интересная зверушка... Вам было бы интересно на нее посмотреть.

– С каких это пор ваша организация занялась отловом собак? Диссиденты кончились?

– С тех пор, – Антонов положил свой кейс на колени и щелкнул замком, – с тех самых пор, как собачки стали кушать людей и вести себя при этом, как существа, наделенные определенной долей... э-э, скажем так, интеллекта. Хоть и извращенного интеллекта. Как вам нравится эта фотография, уважаемый коллега?

То, что Демид увидел на снимке, напоминало Освенцим, только в маленьких масштабах. В едва освещенном захламленном помещении лежала куча всяких безделушек – колец, часов, браслетов и ожерелий. Правда, тот, кто сложил туда все эти драгоценности, не потрудился их снять с пальцев и шей. Он сложил их вместе с пальцами и шеями.

– Ужасно, – Демид вернул карточку Антонову. – Совершенно мне это не понравилось. Не нравятся мне такие штуки. Это что, маньяк-убийца?

– Да нет, это животное-убийца. С извращенной страстью к коллекционированию материальных ценностей, перепачканных в крови.

– Всякое бывает, – сказал Демид. – Сороки, например, тоже таскают фамильное серебро. Да и некоторые млекопитающие тоже этим грешат. Хотя про собак я такого не слышал.

– Это не собака. И не сорока. Это вообще черт знает что!!! – голос Антонова неожиданно сорвался на визгливую ноту. – Это монстр. Чудовище из сказки!

– Он там, у вас? В клетке?

– В лаборатории. В холодильнике. В него всадили столько пуль, что хватило бы медведю. Но вы знаете, Демид, я не испытываю желания подходить к нему. – Антонов наклонился к Демиду и понизил голос. – Даже мертвый он выглядит так, как будто собирается вцепиться вам в плотку. Он похож на дьявола, этот Король Крыс. И уж определенно не похож ни на одно животное, которое мне приходилось видеть.

– Король Крыс?

– Так называл его мальчишка, который привел нас к его логову. Парень был слегка не в себе – неудивительно, если учесть, что эта тварь сожрала на его глазах его приятеля. Парнишка утверждал, что он разговаривал с Королем Крыс и Король Крыс отпустил его.

– Отпустил? Странно... – произнес Демид. – Зачем же этот Король Крыс отпустил его? Отпустил свидетеля, хотя мог бы догадаться, что будет рассекречен, найден и убит. Как-то недальновидно с его стороны!

– Опять ваши шуточки дурацкие! – эксперт посмотрел на Дему, как на идиота. – Когда мы убиваем бешеную собаку, мы вовсе не интересуемся, были ли у нее галлюцинации, приходила ли к ней во сне покойная мама-сука, и какая фаза маниакально-депрессивного психоза у нее была по понедельникам. Просто она взбесилась, а потому подлежит уничтожению. Пиф-паф, и лапы вверх!

– Вы уже убили его. – Демиду стало скучно. – Если вас не интересуют его вероятные параинтеллектуальные способности, то что вам от меня нужно?

– Это мутант. Может быть, он и обладал определенными зачатками разума – попробуй разберись теперь. И это не причина, чтобы изучать его в нашей конторе. Дело в другом: развалины, в которых он обитал, некогда были подземным этажом некоего секретного объекта. Чем этот объект занимался, уточнять не буду. Одно скажу – радиация в этом бункере – счетчик зашкаливает!

– Весело! – Дема покачал головой. – В нашем городе находится атомный бункер, заброшенный и бесконтрольный. Собачки превращаются в нем в чудовищ и начинают коллекционировать драгоценности...

– Это мутация – как раз по вашей части. И вам еще с таким сталкиваться не приходилось. – Эксперт Антонов захлопнул свой дипломат и встал. – Я не принуждаю вас сотрудничать с нами, даже не прошу вас. Потому что знаю, что вы прибежите сами. Прибежите галопом, как миленький, сгорая от любопытства. А потому вот вам номер телефона. Завтра позвоните до десяти – и увидите все своими глазами.

– Не надо завтра, – Дема путался в рукавах, сдирая с себя рабочий халат. – Завтра может быть поздно. Я хочу увидеть это сейчас.

ГЛАВА 4

Лаборатория оказалась моргом, мясницкой для разделки трупов. Оказывается, и в этом учреждении был свой морг, оснащенный самым лучшим оборудованием – таким, что Демиду и не снилось. И называлось все это «лаборатория криминалистической экспертизы».

– Здорово! – сказал Демид. Хотел бы он получить такую лабораторию в свои лапы. Выкинуть отсюда всех покойников, выветрить запах формалина и мертвого мяса. Засучить рукава, и за работу...

«А, надоело все... Какая работа, к чертовой матери? Кому она нужна, моя работа? Когда я в последний раз отдыхал по-хорошему? Лет семь назад – в Карелию ездил на байдарках».

а Паланга? а Венеция? а Турция? это не в счет?

«Какая еще Венеция? – Демид спешно запихивал непрошенный внутренний голос обратно, в затхлый погреб души. – Не было никакой Венеции. Энцефалит был, да! Болезнь была, потеря памяти. А все остальное – не в счет. Обычные галлюцинации».

было. все это было. найди свой загранпаспорт. там все записано

– Иди в жопу, – сказал Дема своему осточертевшему второму "я". Не хотел он ничего помнить. И вспоминать не собирался.

– Что вы сказали? – майор Антонов обернулся.

– Да так, ничего. Ну, где ваш секретный монстр? Есть там еще что исследовать? Или все в ошметки превратили?

– Кое-что осталось.

Эксперт Антонов экипировался тщательно. Он повесил на себя фартук из толстой черной резины, спускавшийся от шеи до коленей. Перчатки походили на водолазные – поднимались выше локтя и стягивали кожу тугой резинкой. Бахилы, толстые очки, респиратор...

– К подводному погружению готовимся? – спросил Демид.

– Наденьте это тоже – от радиации. Мы, конечно, провели дезактивацию, но фонит там еще достаточно.

– Ай-ай! Не нравится мне это! У меня, между прочим, еще детей нет. Нарожая потом каких-нибудь уродцев.

– Ничего не будет. – Антонов натянул серую носатую маску и стал похожим на свинью, в голосе его появилась синтетическая гнусавость. – Защита по высшему классу – хоть в реактор лезь! Мы здесь тоже, между прочим, не последние идиоты, раньше времени помирать не собираемся. Надбавку за вредность гарантирую. Тяпните потом стаканчик кагора – только хорошего, не бодяжного. Нуклиды отлично выводит. Мы в Чернобыле им спасались.

– Кагор – за ваш счет. – Дема влез в фартук, который весил килограммов двенадцать. – Ого, тут сплошной свинец!

– А вы думали... Не переживайте, Демид. Это не облучение, ерунда. Вы на пляже больше получаете – через озоновую дырку.

Майор Антонов подошел к толстой бронированной двери и начал тыкать толстым резиновым пальцем в кнопки кодового замка. Дверь бесшумно поползла в сторону, за ней оказалось еще одно помещение, отделенное от основного толстыми тонированными стеклами. Свет в той комнате загорелся и стало видно все как на ладони. Стены помещения были армированы никелированной решеткой и выложены плиткой с мрачно-фиолетовым металлическим оттенком. Пучки толстых разноцветных кабелей висели на пластмассовых дугах. Пять видеокамер вытянули свои любопытные хоботы и просматривали каждый сантиметр комнаты. Ультразвуковой сканер, два компьютера, четыре белых шкафа, истыканные шкалами

и рядами кнопок. Компьютерный полиграф – детектор лжи под названием Р-004. И всякая другая всячина. У Демы аж зарябило в глазах от этого изобилия. И от зависти.

А в середине стоял стол: сияющее хромированное чудо, идеальное место для вскрытия трупов, снабженное кучей примочек и прибабасов, с фирменной надписью на идеально белом боку, словно только что сошедшее со страниц проспекта известной немецкой фирмы.

– Здесь что, членов ЦК вскрывают? – спросил Дема, с трудом переводя дыхание.

– Нет больше никакого ЦК, – буркнул майор. – Последнего десять лет назад вскрыли. И не у нас, а в Москве, в ЦКБ. Там все есть, в Кремлевской больнице, даже ритуальный зал. Хоронят по высшему разряду – из покойника конфетку делают.

– А это все зачем? – Демид обвел комнату рукой.

– Так, на случай инопланетного вторжения... – Дема не мог видеть лица Антонова, но тот, конечно, ухмылялся под маской. – Любопытны вы, Демид Петрович, без меры. Если хотите знать все до конца – становитесь штатным работником нашего учреждения. С получением соответствующей формы допуска.

– Спасибо, пока не хочется.

– Тогда – за дело.

Антонов шагнул в помещение и красная лампочка мигнула над его головой.

Объект, подлежащий изучению, был облачен в черный пластиковый пакет и застегнут на молнию. Объект был внушителен по размерам – не меньше кавказской овчарки. Антонов снял его с горизонтальной выдвижной полки шкафа-холодильника и с отвращением шваркнул на стол. Хотя по инструкции, вероятно, следовало бы обращаться с *этим* деликатно и бережно.

– Вот, – сказал он, – какой мерзостью заниматься приходится.

– А что, по-вашему, человеческие трупы приятнее? Или вы привыкли к ним?

– Я ко всему привык, – прогнусавил эксперт. – Полюбуйтесь-ка на его физиономию. Крокодил по сравнению с ним – беззубый червяк!

Он взялся за замок и решительно вжикнул молнией, располовинив пакет сверху донизу.

И монстры с визгом набросились на Демиду со всех сторон.

Белые бестии, мелькающие в темноте, как молнии. Живые зубастые молнии. Слишком быстрые, чтобы рассмотреть как следует строение их узких жилистых тел. Меч взметнулся в воздух – сам, едва не вырвав руку Демиду из плеча. Меч тонко вибрировал, пел песню воина, истосковавшегося по крови. Он отсекал головы тварей на лету, он вонзался в их зловонные глотки, он погружался по рукоять в их животы и вспарывал их, выпуская фонтаны дымящейся крови. Он стосковался по крови, этот живой меч, он наслаждался ею, он пил ее. Демид чувствовал, как сила уходит из него, но что он мог сделать? Рукоять Шанцина прикипела к его ладони. Он был в плену – и выбирать приходилось между пленом и смертью...

– Стоять!!! – Антонов едва успел схватить за руки Демиду и оттащить от стола. – Ты что, озверел? Что с тобой?

Демид тупо хрипел и вырывался из захвата майора. Он был сильнее майора в десятки раз, он мог убить его одним ударом. Но Демид даже не знал, что его держат. Он рвался туда, к столу, он тянулся скрюченными пальцами к тому месиву, что недавно еще было Королем Крыс.

Майор изловчился, перехватил Демиду поперек живота, и свободной рукой содрал с него маску. А потом вцепился в волосы Демиду и хрястнул его затылком об стену.

Мутные глаза Демида потемнели и тело его обмякло.

– Ну, Демид Петрович, вы даете!

Резиновое рыло эксперта Антонова задрожало в глазах Демида и постепенно приобрело достаточную отчетливость. Дема помотал головой. Чувствовал он себя преотвратно.

– Ч-черт... – Дема провел рукой по затылку и на пальцах его осталась кровь. – Я что, головой ударился?

– Это я вас приложил, – объяснило рыло. – Извините, что так пришлось. Тут аппаратура всякая, сами понимаете. Материальные ценности. А вы – парень здоровенный...

– Понимаю...

Дема поднялся на ноги. Ничего. Даже не шатало его.

«Что это было?»

ты помнишь

– Что это было?

– С вами? Это вас лучше спросить. Аффект – вот как это называется. Кратковременная сильная эмоция с полной потерей самоконтроля. Я думал, вы сожрать хотите эту пададь! Извините. Часто такое с вами бывает?

– Нет, в первый раз.

было конечно было

– Помните хоть что-нибудь?

– Ничего. Как в яму провалился.

помнишь все ты помнишь схватка на поляне неплохо повеселились тогда

«Deja vue, – вот как это называется. Дежа! Вю!»

– Извините, – сказал Демид. – У меня черепушка не совсем в порядке.

– Знаю, знаю. Полтора года назад – огнестрельное ранение головы, неделя в реанимации. Семь месяцев назад – энцефалит неясного генеза, ретроградная амнезия, полное выпадение памяти. Две недели в реанимации, шесть недель в реабилитационном отделении. Судно, костыли, темные очки, головные боли. Вы меня, конечно, не помните. А ведь я в больницу к вам тогда приходил, интересовался.

– Чем?

– Многое неясно в вашей истории. Вас непосредственно ни в чем не обвиняли, но как-то уж очень много вас было, Демид Петрович Коробов. Везде вы умудрились оставить свои следы. А особенно – в делах о создании тоталитарной религиозной секты «Армия Добра» и убийстве уголовного авторитета Кротова. Но вы как-то удачно умудрились все забыть. Все начисто. В качестве свидетеля вы оказались абсолютно непригодны. Как и ваша... м-м... сожительница. Елена Прохорова. Обидно. Теперь прошло некоторое время. Позвольте поинтересоваться, вы так ничего и не вспомнили?

«Надеюсь, что нет. А если и вспомню, то постараюсь забыть. Я не хочу помнить ничего этого. Ничего».

– Нет. – Дема улыбнулся. – Не помню я никакой «Армии Добра». То есть, конечно, я читал о ней, весьма занятно. Но вот, чтобы лично сталкиваться самому? Такого не припомню.

– Ладно. – Эксперт махнул рукой. – День уже, считайте, пропал. Я вспотел в этом резиновом футляре, хоть выжимай. Раздеваемся, и на сегодня хватит. Без медицинского освидетельствования я вас больше в эту комнату не пушу.

– Нет уж! – Демид решительно направился к столу. – Вы не переживайте за меня, Валерий Федорович. Я в полном порядке! Давайте все-таки займемся нашей зверушкой.

– Ну, как знаете...

Майор, конечно, нарушал все инструкции. Но его грызло нетерпение. Его распирало любопытство. Он хотел разобраться – что же все-таки лежит в этом черном пакете. Он вел себя неправильно, этот эксперт неизвестно по каким вопросам, и этим нравился Демиду. Не любил Дема людей, свято соблюдающих все установленные правила.

«Рискуешь, майор Антонов. Привел сюда, в секретную лабораторию подозрительного типа с криминальным прошлым и неконтролируемым поведением. Тебе бы нужно прихватить с собой парочку молодцов в форме, чтобы они подпирали стенку и мрачно зыркали, не собираюсь ли я учудить чего-нибудь недозволенного. Нужно взять с меня подписку о неразглашении, о невыезде и отказе от всяческих претензий. А лучше – запереть меня на недельку где-нибудь здесь, по соседству с выпотрошенными людьми, обеспечить специальной литературой, аппаратурой и кагором для успешной работы. Но ты не сделал этого, майор. И я поступил бы точно так же».

Дема натянул респиратор и направился к столу. Морда, торчащая из разинутой пасти черного пластика, выглядела весьма недружелюбно. Пуля попала Королю Крыс прямо в лоб и разворотила череп. Но все остальное сохранилось довольно неплохо. Круглые безвольные ушки – в прошлом, наверное, розовые, а теперь покрытые пятнистой трупной синевой. Маленькие глаза желтого цвета с вертикальными зрачками. И огромные квадратные челюсти, зубы из которых торчали во все стороны.

– Невероятно! – Демид полез пятерней в затылок, забыв, что на нем – толстенная перчатка. – Быть такого не может!

– Чего именно?

– Зубов таких быть не может! Вы уверены, что это не мистификация? Может быть, это чучело украли из киностудии?

– Почему это? – майор обиделся. – Чем это вас его зубы не устраивают? Его это зубки. На всех, извиняюсь, останках его жертв следы именно такие. Это уже отработано – экспертиза, методика не нами придумана.

– Вы знаете, что такое зубы? – Дема повернулся к собеседнику. – зубы – это визитная карточка любого вида животных. Любого отряда, класса и так далее. Можно пришить к телу орангутанга хвост муравьеда, крылья орла, голову негра из племени хуту и выдавать все это за летающего мутанта-вампира из нью-йоркской подземки. Но зубы подделать нельзя, они расскажут о себе все.

– И что же говорят вам эти зубы?

– Они говорят: «Дема, открой глаза, чихни и проснись. И больше не пей водки на ночь». Потому что таких зубов в природе существовать не может.

– Гражданин Коробов! – терпение майора, похоже, лопнуло. – Вы хоть понимаете, что все, что вы сейчас тут говорите, записывается? На видеопленку! Потому что является официальным документом, актом экспертизы! Я вас пригласил как известного высококвалифицированного специалиста. Я рекомендовал вас, бегал по начальству и пробивал вашу кандидатуру. Я за вас ручался! А вы тут несете всякую чушь! Какое мне дело, водку вы на ночь пьете, или кефир? Какое мне дело до того, могут существовать такие зубы или нет? Они есть, и ваше дело – вскрыть это животное! Шуточки оставьте на завтра.

– Какие уж там шуточки, – Демид повернулся к камере – он хотел, чтобы все это осталось в записи. Хотя, какой в том прок? Все это будет похоронено в архивах, засунуто в чертовы ящики, завалено тоннами пыльной канцелярской макулатуры. "Как бы украсть это чудо природы, этого Короля Крыс? Он ведь не нужен вам, он нужен мне! Кто-то *сделал* его, а значит, и я могу *сделать* такое. Я хочу научиться этому!"

Демид был очень серьезен, он вовсе не собирался шутить.

– Объект, изучаемый нами, представляет собой труп животного, – заявил он. – Животное принадлежит к классу млекопитающих – это несомненно: шерстяной покров, рудиментарные молочные железы, четыре конечности. Без особых трудностей можно также определить, что животное принадлежит к отряду хищных, семейству собачьих. Более того, я уверен, что экспертиза строения костного скелета подтвердит принадлежность изучаемого объекта к роду *Canis*.

"Это совершенно не похоже на собаку. Тот, кто делал ее, хорошо потрудились. Не бывает у собак такой жесткой, короткой розовой шерсти – как у поросенка. Не бывает такой прочной шкуры. Не бывает таких шпор на ногах – торчащих из середины лап зазубренных кинжалов. Не бывает таких сухих, скрученных веревками мышц и сухожилий – явно в избыточном комплексе. И все же можно *сделать* все это. Сделать из собаки, используя тот материал, что дает нам природа. Никакая мутация сама по себе не способна создать такого монстра-убийцу из собаки. Но *кто-то* мог сделать это, кропотливо переделав каждый его орган. Единственное, что не он никогда не смог бы сделать – это такие зубы."

– Единственное, что не может принадлежать ни собаке, ни хищному, ни даже млекопитающему, это зубы, – сказал Демид.

– Эксперт Коробов утверждает, что имеется несоответствие зубной формулы изучаемого объекта типичной зубной формуле млекопитающего. – Майор Антонов отодвинул Дему плечом и сам влез в поле зрения видеокамеры.

Хороши они были! Красовались, как актеры, перед воображаемым зрителем. Соревновались, кто изобразит более эрудированного, более серьезного и ответственного специалиста. Хотя вряд ли было суждено этой записи выйти на свет божий. Во всяком случае, Демид не хотел бы этого. Все это имело отношение только к нему, к Демиду Коробову. Хотя он еще не знал, почему.

– Да, пожалуй, именно так, коллега. Несоответствие, так именно мы и назовем это явление.

«Если бы у тебя, коллега Антонов, на заднице выросли мохнатые уши, это тоже было бы несоответствием очень хорошее словечко. Но ты не назвал бы это несоответствием. Ты назвал бы это просто свинством.»

– В таком случае возникают три вопроса, – майор соизволил повернуть свое рыло к рылу Демиды. – Вопрос первый: может ли быть данный экземпляр животного мутировавшей собакой?

– Да.

– Второй: может ли возникнуть подобная множественная мутация?

– Такая мутация слишком сложна и коплексна, чтобы считаться спонтанной, то есть возникшей самопроизвольно. Кроме того, спонтанные мутации, затрагивающие целый ряд систем жизнеобеспечения организма, обычно возникают в виде стандартных сочетаний, давно описанных под названием генетических синдромов. То, что мы видим здесь, нельзя подогнать ни под один полисиндром. Здесь слишком много всего...

«А кроме того, здесь слишком умно все продумано. Это не уродец, это совершенство»...

...а кроме того, животные, несущие множественные врожденные мутации, как правило нежизнеспособны. Природа исправляет свои ошибки – такие особи умирают в первые дни жизни.

– Если эта мутация не спонтанна, то при каких условиях она может возникнуть?

– Это может быть инициированная мутация. Например, если яйцеклетка матери этого Короля... простите, этой собаки, подверглась жесткой бомбардировке радиоактивными частицами, то...

Демид говорил и говорил. Он жестикулировал, он тыкал черным резиновым перстом в морду Короля Крыс. Он размахивал в воздухе руками, объясняя, как разматывается нить ДНК. Он щелкал пальцами, изображая как гены меняются друг с другом местами и поворачиваются вокруг собственной оси. Он был очень убедителен.

И при этом он ни на минуту не верил в то, что говорил. Потому что все это было бессмыслицей, нелепым нагромождением ученых слов, не имеющих отношения к тому, что лежало на столе. Так же можно было часами описывать шаровую молнию, объясняя ее устройство присутствием злого духа, враждебных инопланетян и дьявольским наваждением. А молния все равно оставалась бы сгустком плазмы – вполне материальным и подчиняющимся законам физики. Здесь же все было наоборот – Демид пытался материально объяснить то, что нашему миру не принадлежало.

"Что за чушь? Почему ты решил, что это – *оттуда* ? Нет никаких злых духов! Никто и никогда не представил явные доказательства существования чего-то нереального..."

ты сам видел духов вспомни

«Заткнись! Вспомни лучше, как европейские ученые впервые увидели чучело утконоса. Как рассматривали тушку выдры, к которой какой-то неумеха пришел клюв утки, лапы гуся, хвост бобра да еще и дурацкую сумку на животе. Как они ржали над тем, кто пытался всучить им эту туфту за два доллара двадцать пять центов, уверяя, что такое существует на самом деле. А сейчас любой школьник знает, что такое утконос!»

утконосы не ели людей. они не коллекционировали драгоценности и не раскладывали их кокетливо в своей пещере. и у них не было таких зубов – как у демонов из ада, что на картинах Босха

– И последний вопрос, коллега. – Майор Антонов был очень доволен. Он все же был материалистом, этот эксперт-собаковод. – Что-то вы упоминали о зубах? Если уж допустить необычность генетического набора у данного экземпляра, можно ли допустить появление таковой зубной формулы, которая напоминала бы скорее зубную формулу, скажем... пресмыкающегося?

никогда. собака с зубами тиранозавра – такое бывает только в кино или...

– Все может быть, – сказал Демид. – В истории науки случалось и не такое.

Ему сразу стало легче. В самом деле, чего он прицепился к этим дурацким зубам? Зубы как зубы – в два ряда, длиной сантиметров по семь, желтые и кривые. И острые, как иглы.

– Приступим к вскрытию. – Демид взял скальпель с никелированного подноса и выставил его перед собой как кинжал. Нацелился в самое сердце Короля Крыс. Зверя. Еще одного животного из сотен животных, что вскрыл он за свою жизнь.

«Сейчас располосую чертового монстра на тысячи кусочков. Нарежу его как шашлык, превращу в ничто – в груды мертвых обрезков, в образцы ткани для лабораторных анализов. И забуду навсегда».

не трогай его он опасен он не простит тебе этого

Демид воткнул скальпель в розовое морщинистое горло и рассек кожу одним разрезом – до самого паха. Еще одно движение, и зловонный газ с хлопком вышел из-под прорвавшейся брюшины. Демид взял кусачки и начал с хрустом переламывать ребра. Его не волновало, что чувствует эксперт Антонов, топчущийся где-то сзади. Это была обычная работа Демида. Он делал ее и не задумывался ни о чем.

Все было вполне обычно. Внутри не имелось ничего такого, что не могло принадлежать собаке: легкие, сердце, печень, кишечник, почки. Демид извлекал органы из начинающего разлагаться нутра Короля Крыс, показывал их видеокамере, говорил то, что полагается говорить в таких случаях, и кидал их в подносы.

– Куда это? – Демид держал в руке перстень, измазанный коричневой слизью. Он только что извлек его из желудка, дле удерживал склизкий перстень резиновыми пальцами-сосисками. – Это, наверное, матценность? Отмоете, оприходуете.

– Сюда. – Антонов протянул что-то вроде зеленой пепельницы. Перстень звякнул о дно, пепельница заняла свое место на полке. – Демид Петрович, вы скоро закончите?

– Да, пожалуй, все. – Дема кинул скальпель в таз. На самом деле, делать больше было нечего, Король Крыс был добросовестно разложен на мелкие составляющие элементы. – Теперь нужно провести гистологическое исследование тканей – самое тщательное. Есть у вас подходящие специалисты?

– Будьте уверены. – Антонов облегченно вздохнул. Сегодня был не самый приятный день его жизни, и, кажется, он подходил к концу. – Все сделаем. О результатах известим в течение недели.

– Обязательно! И проверьте соотношение красных и белых фибрилл в мышечной ткани. И химический анализ дентина сделайте. И идентификацию зубной эмали...

зубки зубки зубки не дают тебе покоя

Дема сунул тошнотворно грязные руки в раковину, но кран лишь презрительно фыркнул и обслуживать чужака отказался.

– Демид Петрович, вам не сюда. Вам теперь полную дезактивацию и дезинфекцию полагаются.

– И дезинсекцию – от блох. И полный стакан кагора.

– И икорки красной? Спирту вот могу предложить. Медицинского.

– Нет уж! Сами пейте свой спирт!

Майор провел Демида, отмытого, обеззараженного и благоухающего хлоркой, вереницей бесконечных одинаковых коридоров и наконец-то добрался до выхода. Охранник в ранге прапорщика забрал у Демы разовый пропуск и даже отдал честь.

Они вышли на улицу вдвоем – эксперт Коробов и эксперт Антонов. Майор вскрыл новую пачку «Винстона», извлек сигарету и начал разминать ее. Сухой табак затрещал под пальцами.

– Армейская привычка? – Дема ухмыльнулся. – Это ведь не «Беломор». Так и сломать сигаретку можно, товарищ майор.

– Знаете, в чем сходство между женщиной и сигаретой? И ту и другую перед употреблением нужно хорошенько помять. – Антонов с удовольствием затянулся. И осклабился. Зубы у него были желтые, прокуренные.

Человек в безукоризненном костюме, с плечами профессионального борца, с умными глазами, желтыми зубами и армейским юмором – эксперт Антонов. Майор (запаса?)

«Не думаю, что я понял тебя, майор. Слишком мало в тебе такого, что могло бы мне понравиться. Но что-то в тебе есть. Любопытство? Или прищур карих глаз, слишком теплых для такого каменного лица?»

– Спасибо, что позвали, – сказал Демид. – Было интересно, в самом деле. Хотя, пока мало что прояснилось. И вряд ли что прояснится.

– Почему это?

– Этот Король Крыс – не ваш. Отдайте его мне, после того, как наиграетесь. Он мне нужен.

– Что, припекло? – Антонов посмотрел искоса – словно в душу залез. – Показали конфетку и отняли? Выдернули из-под самого носа. Зачем он вам, Демид? Хотите продать его журналистам? Или докторскую написать? А может быть, слепить второго такого же Короля

Крыс? Конечно, для еды он не годится, но кое для чего очень даже пригоден... Вот что я вам скажу, Демид Петрович: это плохая игрушка. Очень опасная игрушка. А наша задача – следить за тем, чтобы опасные игрушки не попадали в неправильные руки.

– Как знаете... – Демид повернулся и поплелся к своей машине.

ГЛАВА 5

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА ПАНКРАТОВА.

Интересный случай: Пациентка Елена Прохорова, 23 года. Жалобы: раздражительность, часто повторяющиеся неприятные сновидения. Пациентке снится, что она маленькая девочка, трагически погибшая в детстве. Болезненно переживает момент собственной «смерти». Повторяемость сновидений: 1-2 раза в месяц, в последнее время чаще. Испытывает периодическую депрессию: считает, что жизнь ее идет по неправильному пути, что она должна найти какое-то свое «истинное» место в жизни, соответствующее ее «предназначению свыше». Утверждает, что в памяти имеется большой провал, касающийся последних двух лет. Считает, что выпадение памяти индуцировано «кем-то извне», так как носит избирательный характер: пациентка помнит основные события, произошедшие за эти два года и касающиеся обыденных деталей. Но, по ее утверждению, в течение этого же времени с ней происходил ряд событий, «выходящих за рамки реальности». Что именно она имеет в виду, уточнить не удастся, так как попытка обращения именно к этой, якобы «блокированной» информации приводит к припадкам, сопровождающимся *sincope*¹¹.

Восемь месяцев назад перенесла тяжелый энцефалит неясного генеза (инфекционно-аллергический?). Выпадения в памяти начались после перенесенного заболевания. В то же время, по косвенным данным можно предположить, что в жизни пациентки действительно имел место событийный ряд, связанный с вовлечением в криминальную сферу. Возможно, она была свидетелем убийств, насилия, или сама стала жертвой насильственных действий. Из газет за этот период я выяснил, что ее муж (сожитель) Демид Коробов имел отношение к деятельности религиозно-фашистской секты «Армия Добра» (непонятно, в каком качестве). Так как сама Елена об «Армии Добра» ничего не помнит, резонно предположить, что, возможно, имело место суггестивное (зомбирующее) действие со стороны руководителей клана.

Пациентка уверена, что тревожное состояние, в котором она пребывает, связано именно с тем, что она не может вспомнить «нечто», и, если она восполнит пробелы в своей памяти, душевное ее равновесие нормализуется.

Диагноз: неврозоподобное состояние с депрессивно-тревожными расстройствами и ретроградной амнезией вследствие острого энцефалита неуточненного генеза.

Добавлю свои собственные предположения: вероятно блокировка информации отрицательными пережитыми эмоциями, с механизмом запредельного торможения.

Прогноз излечения: благоприятный.

– Я думаю, можно вылечить вас, Елена (милая моя девочка). Ну, пожалуй, даже, не вылечить, потому что больным человеком я вас не считаю (лгун). Я просто помогу вам найти себя, решить ваши проблемы.

– Не замучила я вас своими рассуждениями? Вы же все-таки специалист, врач. А я все вам подсказываю, как нужно меня лечить. Лезу в диагностический процесс, а сама в этом ничего не соображаю.

– Да нет, почему же? – Доктор вежливо улыбнулся. – В ваших рассуждениях есть немалый логический смысл. Все то ужасное, что вы перенесли, вы забыли. Мозг ваш заблокиро-

¹¹ Обморок (франц.)

вал какую-то отвратительную информацию – он бережет вас. Он не хочет, чтобы вы снова и снова ворошили грязь, в которую вам поневоле пришлось окунуться. Как только вы пытаетесь обратиться туда, вспомнить что-то из запрещенной вами же области, вы получаете наказание: боль, страх, потеря сознания. Ничего особенного в этом нет, достаточно стандартный медицинский случай – поверьте мне.

– Так может быть, не стоит ворошить всю эту дрянь? – Лека растерянно теребила бумажки на столе, изрисованные треугольниками и квадратами, разноцветными бабочками и столбиками цифр – психологическими тестами. – Демид мне говорит: «Не вздумай вспомнить, это плохо кончится для тебя!» Ведь он тоже забыл все это. И вспоминать не хочет.

«Господи, как достал меня этот Демид, – подумал доктор и улыбнулся еще вежливее. – Мало того, что Демид – сам псих законченный, да еще лезет куда не следует. Окончательно загубит девчонку!»

Доктор Панкратов в обыденной жизни свято следовал принципам, которые исповедовал своим пациентам, а потому был человеком уравновешенным, рассудительным, и даже не лишенным, как он считал, внутренней гармонии. Но при одной мысли о Демиде Коробове все внутри него заливала мутная, не поддающаяся контролю волна раздражения. Не терпел Юрий Васильевич, когда дилетанты-шизофреники лезли к нему со своими советами. И терпеть не собирался.

– Знаете, что я вам скажу, Лена? Память – хитрая штука. Страшные воспоминания можно загнать глубоко в подполье, но убить нельзя, они все равно оживут. Подавленные эмоции – как бомба замедленного действия. Враг скрытый всегда хуже врага явного. Он стучится – оттуда, из глубин сознания. Он рвется наружу. Это то самое, что Зигмунд Фрейд называл «ОНО». Оно пытается прорваться снизу в ваше "Я", истязает вас жуткими снами, заставляет вас впадать в депрессию и пугает каждым шорохом за стеной. Но поверьте мне – стоит извлечь это пресловутое «ОНО» на свет божий, и оно окажется вовсе не таким уж страшным. Знаете, чего больше всего на свете хочет «ОНО»? Оно жаждет удовольствий. Да, именно удовольствий! Оно очень веселое и разнузданное, это «ОНО»! Ему хочется первобытных, диких удовольствий, против которых протестует современная человеческая мораль. Ваше сознание поставило блок: «Да, со мной было такое, но я – человек двадцатого века, меня с детства учили, что такого делать нельзя. И я не буду больше делать такого плохого, я забуду об этом.» Но «ОНО» помнит, оно снова хочет получить то, чем владело когда-то. Оно бунтует. Что ждет вас, если мы разрешим ему вспомнить? Вас ждут неприятные воспоминания об ужасах, которые вам пришлось пережить. Но все это уже позади, Лена. Сейчас ваша жизнь вполне благополучна, так стоит ли отравлять ее прежними скрытыми страхами? Лучше добраться до них, препарировать их, научиться бороться с ними и развеять по ветру.

Доктор довольно откинулся на спинку стула. Он умел говорить хорошо и убедительно, он нравился самому себе. Но, самое главное, ему нравилась эта девчонка. Очень нравилась. Это, конечно, мешало в работе. Панкратов много читал про западных горе-психотерапевтов, которые валили своих клиенток на стол, и, убаюкивая слюнявыми сказками про подавленное либидо и очистительный вулкан спермы, лечили их дедовским способом «туда-сюда-обратно». Панкратов сам видел такого молодца, когда учился в Италии. Огромный и обаятельный доктор Д.: маленькие круглые очочки на мясистом носу, расчетливая похоть в глазах, пижонский пиджак от Армани, не сходящийся на животе, вечные круги от пота подмышками. Неудовлетворенные бабенки, распрощавшиеся со своей третьей молодостью, валили к нему толпой. Доктор Д. процветал не один год, раз пять оказывался под судом, и каждый раз счастливо выныривал, похудев от волнений килограммов на пять. Единственное, что могло испортить его карьеру – это не вовремя обвисший член.

Бр-р-р... Панкратова честно передернуло. Никогда он не позволял себе хоть сколько-либо близких отношений с пациентками. И свадебный портрет его с женой стоял тут же, в

кабинете. И доктор Панкратов улыбался с этого портрета, как бы уверяя: «Вы имеете дело с человеком кристальной честности и гарантированы от каких бы то ни было посягательств на свою честь, а потому не бойтесь выложить все самое сокровенное».

«А все же хотелось бы. Может быть, когда-нибудь после, когда она уже не будет мой пациенткой. И я пересилю свои комплексы, загипнотизирую самого себя, внушу себе, что я действительно такой сильный, умный и сексуальный, каковым, собственно, и являюсь. Позвоню ей и приглашу ее – прямо в постель. В шикарную постель с изысканным вином и фруктами, с омарами и музыкой Стравинского. Где-нибудь на Сейшелах, да. И мы будем разговаривать языком любви, а не замшелым языком книжных оплетков. Но это будет потом. А сейчас я должен вылечить ее. И не забивать себе голову ничем лишним.»

– А вы справитесь с этим «ОНО» – любопытствовала Лека тонким голосочком. – Если оно действительно такое сильное?

– МЫ справимся! – Внутренние страсти ни в малейшей степени не проявились на лице доктора. – То, что предстоит НАМ – элементарная психотехника, терапевтические приемы, придуманные не мной. Приемы, отработанные десятками лет и миллионами людей, успешно научившихся справляться с самим собой. МЫ ВДВОЕМ с вами сделаем это.

Света в подъезде, как всегда, не было. Хотя он не помешал бы сейчас, в полпервого ночи, на узкой площадке съездившейся от преждевременной старости и неуюта «хрущевки». Лека вслепую нашаривала ключ в сумочке и вспоминала первый разговор с доктором Панкратовым. Очень обнадеживающий разговор. Месяц прошел с тех пор. Три раза в неделю – занятия с Юрием Васильевичем, мягкий его голос: «Расслабление – все ваши тревоги уходят – сейчас вы вспомните источник ваших страхов – но вы будете смотреть на него как бы со стороны»... Хоть бы хрен, никакого результата! Страхи остались страхами, раздражение – раздражением, а гадкий сон, один и тот же, так вообще уже снился каждую ночь. Доктор Панкратов Ю.В. был очень хорошим доктором. Наверное, это Лека была какой-нибудь неправильной. С ней всегда были заморочки.

Вонища на площадке стояла, прямо-таки скажем, выдающаяся – в три раза крепче обычной, кошачье-помойной. Лека ступала осторожно, боясь угодить ногой в какую-нибудь свежеразлагающуюся мертвую собаку, но все же поскользнулась в невидимой лужице слизи (будем надеяться, что это была слизь, а не нечто большее).

Отдельный дом – вот чего ей хотелось! И даже самая шикарная семикомнатная квартира с лестницей, двумя сортирами и жемчужной джакузи не прельстила бы ее сейчас больше, чем аккуратный домик в лесу. Ее собственный домик. Город надоел ей до тошноты – это было странно, потому что, кроме города, она нигде не бывала со времен своего дошкольного детства. Лека всегда плохо переносила деревню, а леса боялась параноически. Просто ТЕПЕРЬ ей не было места нигде.

Железная дверь гроыхнула на весь дом, как Лека ни старалась отворить ее потише. В квартире тишина. Демид, конечно, уже дрыхнет. Лека шагнула через порог и едва не покатилась кубарем. Какая-то зловредная штуковина подвернулась ей под ногу на лестничной площадке. Лека чертыхнулась, включила свет в прихожей. В тусклой луже светового пятна блеснуло что-то, выставив золотой бочок из бетонной щербины пола. Лека наклонилась и подняла перстень.

Перстень-печатка – средних размеров, Демиду в самый раз. Почему-то Лека сразу решила, что это – демидова штучка, хотя он не был подвержен новорусской привычке увешивать свои пальцы «гайками». К тому же на плоской части печатки был выгравирован тре-

угольный вензель, напоминающий букву "Д". Странный узорчик, прямо скажем. Какие-то лапы, как у насекомого... В общем, вполне в духе Демы рисунок – шизовый.

Девушка сунула находку в карман и заперла дверь. Пусть это даже чужое, завтра разберемся. Не на площадке же оставлять?

Одна комната – тесновато. Хотя сейчас Демид занимал места немного – как всегда, съезжился на диване, едва не влез в щель между диваном и стенкой. Стенку всю протер до дыр. Это очень хорошо – такой экономный способ размещения, потому что Леке места всегда не хватало. Она занимала своими руками, ногами и прочими полагающимися красивой девушке частями тела весь двуспальный диван, да еще и бедного Дему норовила лягнуть во сне. Норовистая такая лошадка.

Первым делом – душ. Лека отправилась в ванную, зажигая везде свет и размещая по пути предметы своей одежды. Наверное, в этом было что-то от звериного инстинкта – так она метила свою территорию. Хорошо, если Демид вставал и уходил утром раньше ее, тогда она знала, где искать свои трусики, лифчики и колготки. Аккуратист Дема с меланхолическим ворчанием собирал все это безобразие и запихивал в корзину для грязного белья. Иногда, впрочем, терпение его лопалось и Лека находила свое белье кучкой под кроватью, в унитазе, или даже под окном – на ветках рябины. Вот если ей приходилось подниматься в несусветную рань – тогда начиналась трагедия. "Дем, ты не видел, где мое платье? – орала она с кухни, перекрывая гудение газовой колонки. Ежели спящий Демид и отвечал что-то на это, то только такое, что в приличных книжках (а наша книжка, безусловно, относится к произведениям приличным и высокоморальным) цитировать не полагается. Посылал, ее, короче, на три буквы. Естественно, Лека приходила от такой наглости в необузданную ярость. Ну конечно: это он, Демид, со своим ненормальным аккуратизмом, встал ночью, взял ее бережно повешенное на унитазный бачок платье, замечательно переливающееся синим и зеленым итальянское платье, такое обтягивающее, что все мальчики начинают облизываться, как коты, хотя ей и нет до них никакого дела, он схватил ее любимое платье и спрятал в каком-нибудь долбаном месте, чтобы она, опаздывая, искала его, обливаясь слезами и страдала, страдала, страдала. На этом месте меццо-сопрано Леки достигало такого крещендо, что Дема открывал один глаз, хрипло говорил: «Посмотри, дура, на чем стоишь», и снова засыпал. Лека смотрела под ноги. Платье обычно оказывалось там, на полу – немножко пыльное, с пятном на боку, но вполне годное к применению после пары стирок.

Лека наскоро сполоснулась под душем и нырнула к Демиду под одеяло. Демид сонно замычал и попытался полностью забраться в щель за диваном. Пахло от него почему-то хлоркой.

– Фу, противный, – Лека сморщила носик. – Даже приставать не хочется.

– Ага, – сказал Демид, не просыпаясь, и повернулся лицом к стене.

– Нет, ну Дем, ну подожди! – она затормошила Демиду. – Дема, Демочка. – Она прильнула к нему вся вся вся всем своим таким гладким горячим телом. – Демочка, милый, я хочу... Слышишь?

– Ага, – сказал Демид, не открывая глаз и не поворачиваясь.

– Дем, ну не спи! – Лека стукнула кулачком по его плечу.

– Ага, – сказал негодяй, совершенно и не собираясь просыпаться.

Можно было, конечно, разбудить его ведром ледяной воды, но все мысли о здоровом сексе в этом случае пришлось бы оставить на пару дней. А мысли девушки уже путались – наверное, уже и в самом деле было поздно.

– В самом деле, чего я дергаюсь? – сказала она себе. – Я такая симпатюлька, у меня есть все, что хочешь. Жизнь моя – просто конфетка. А главное – у меня есть Демид. Ведь есть же люди, у которых нет Демиду. Как они живут, просто не представляю... А у меня он есть, поэтому я счастлива.

Она прижалась к Демиду, закинула на него ногу, положила руку ему на бок и сразу заснула.

Маленькая девочка идет по лесу. Маленькая девочка по имени Ленусик. Маленькая, но уже очень самостоятельная. Она уже сама гуляет по лесу, и совсем не боится заблудиться. Хотя... Если папа узнает, что она сама, без спросу пошла в лес, он будет громко кричать. А может быть, даже шлепнет ее по попе. И мама будет кричать, а может быть, даже плакать. А потом уж шлепать по попе...

Девочка вздыхает. Об этом лучше не думать. Она ведь пошла в лесочек совсем-совсем на немножко. Она только посмотрит на Белую Девушку и вернется.

Белая Девушка с черными-черными волосами – она там живет на полянке. Совсем голенькая, и очень красивая. Она так улыбается... Никто ее не видел. Смешно, правда? Мама смотрела прямо на Белую Девушку и не видела ее. И бабуся тоже не видела. Только Ленусик увидела ее. И Девушка ей улыбнулась. А потом убежала, спряталась за березкой. Наверное, она там живет и не хотела, чтобы кто-то нашел ее домик. А Ленусик хочет побывать в ее домике. Она придет к ней в гости и они будут играть в дочки-матери.

И Ленусик, симпатичная девочка четырех лет, идет одна по лесу, поет песенку и собирает ромашки. Она сделала бы венок, но еще не знает, как это сделать. Белая Девушка научит ее. Ленусик не боится никого, она боится только Шмеля. Вредный Шмель живет в клевере. Если он обжалит, будет очень-очень больно.

Шмель никогда не обжаливал Ленусика. Ее обжаливала пчела. Ужасно! А шмель – такой большой, и гудит так громко. Наверное, обжаливает очень-очень больно.

Так думает девочка, и идет, и собирает белые ромашки, и фиолетовые колокольчики и голубые-голубые цветочки, которые она не знает как называются. И день такой хороший, и солнышко такое ласковое, и травка такая мягкая и зеленая. Все очень-очень хорошо.

И вот уже та самая полянка – большая-пребольшая, и вокруг нее прохладные березки. А на полянке – землянички. Они прячутся, но найти их совсем просто. Ленусик знает, как это сделать. Она встает на четвереньки и видит красные землянички. Они сладкие и прячутся под листиками.

А вот Белой Девушки нет. И девочка не знает, совсем не знает, как найти ее. Она зовет ее, она бегает по полянке и заглядывает за каждую березку. Но там никого нет – ни Девушки, ни ее домика.

Но она тут, эта Девушка. Ленусик знает это. Она живет прямо здесь, в каждой березке, во всех березках сразу. Она видит Ленусика, но почему-то не хочет выходить и поиграть с ней. Ей почему-то очень грустно, этой Белой Девушке. Наверное, ей просто поиграть не с кем.

– Выходи, выходи, выходи! – поет девочка, поднимает руки и кружится. И кружится ее голубое платьице, и кружится наверху голубое небо, и белые облачка высоко-высоко кружатся вместе с ней. И голова кружится. И девочка падает на траву, и хохочет и брыкает ногами.

– Выходи, выходи, выходи! Я знаю, что ты здесь!

– Ты здес-сь... – шелестят березки и качают темными ветвями.

Девочка поворачивает голову и видит росточек. Он вылезает прямо из травы, прямо рядом с ней. Он растет очень быстро, и девочка даже знает, что он не должен так быстро расти. Но он растет и разворачивает листочки, потому что хочет поговорить с ней. Это она тоже знает.

Это маленькая березка. Росточек совсем не похож на березку, но Ленусик знает, что это березка. Это Белая девушка послала его, чтобы поговорить с ней.

Она раскрывает ладошку и дотрагивается до листочка – темно-зеленого, глянцевого и с зазубринками на краях. И листочек прилипает к ладошке.

А потом голова снова начинает кружиться. И Ленусик вдруг выпархивает из себя, как легкое облачко. Сначала она видит полянку, и девочку на полянке (платице все помялось и травую замаралось – мама будет ругать) и росточек – совсем большой, уже выше девочки. Уже деревце, а не росточек. А потом веточки у этого деревца складываются как коричневая корзинка, и Ленусик-облачко летит прямо в эту корзинку. Как мячик. Ей очень смешно.

Это Белая Девушка придумала такую игру. Она зовет Ленусика в гости.

И девочка оказывается в деревце, в этой березке. И оказывается, это так хорошо – быть деревцем. И слышно все как-то по другому. Раньше лес просто шумел, а теперь вдруг заговорил. Все могут разговаривать – и березки, и елочки, и всякие другие деревья. И водичка в ручье тоже может разговаривать. И даже большой камень в чашобе что-то бурчит – по-своему, по-каменьему. Только березки они не спешат разговаривать. Они – не как люди, которые всегда говорят, и говорят, и даже кричат, и всегда чем-то недовольны. А березки больше молчат или все как бы напевают что-то. Каждая сама по себе, а вместе получается очень красиво. А потом вдруг одна березка скажет словечко – и все отзовутся, каждая скажет свое – как ветерок по лесу дунул.

Если бы люди знали, как березки красиво поют и разговаривают, они никогда больше не стали бы рубить их.

И так здорово стоять и тянуть веточки-руки к солнышку. А солнечный свет, оказывается, такой вкусный! Не надо его цеплять ложкой, размазывать по противной тарелке, жевать, проглатывать, он вкусный сам по себе. Вкуснее даже мороженого. И водичка вкусная – там, в земле. Ленусик никогда не пила такой вкусной водички.

Березок много, а Белая Девушка – всего одна. Но это все равно, потому что она может в каждой березке быть. Она за всеми деревцами смотрит – чтобы зайцы-попрыгайцы много коры не погрызли, чтобы дятел-стукотун много дырок не набил. А как придут весной люди, нарежут ножиками на нежной коре-коже ран, чтобы березью кровь пить, ходит Белая Девушка между деревцами и плачет вместе с ними прозрачными слезами. Глупые люди и злые. Ведь можно просто воду пить – она куда вкуснее, чем кровь. Глупые.

Только Белая Девушка очень грустная сегодня.

«Уходи, – говорит она. – Уходи домой, человечья девочка. Ты хорошая. Но ветер сегодня плохой. Плохой туман был утром. Что-то случится сегодня плохое. Уходи, человек, от беды подальше...»

Будильник верещит, как кошка, которой наступили на хвост. Сон разлетается тревожными обрывками. Но это все же лучше, чем досмотреть до конца.

ГЛАВА 6

День сегодня выдался мерзопакостный. На работе все валилось из рук – не стоило и затевать. Все дела сорвались. Впрочем, сорвались из-за него, Демида. Никуда он не поехал. Даже не удосужился никому позвонить, что не приедет – просто послал всех подальше.

– Я устал, – сказал Демид.

Враки. С чего это он устал? Целый день бил баклуши, ничего не делал. Сидел как идиот и ждал, когда позвонит этот тип в пиджаке – майор Антонов.

Антонов, само собой, не позвонил. В самом деле, на кой ляд ему сдался какой-то там Дема Коробов? Сделал дело – гуляй смело. Собачку разрезали, Коробов больше не требовался.

Чего ты завелся? Нужен тебе этот Король Крыс? Мало дряни ты видел за свою жизнь? Мало. Такой выдающейся дряни, как ЭТА, я еще не видел. У меня просто слюнки текут. От любопытства?

От зависти.

Демид вскочил и зашагал по квартире.

Все, пора кончать с депрессухой. Надо заняться чем-то. Хватит валяться. В квартире жуткий бардак, словно Мамай прошелся. Мамай по имени Лека. Сегодня самое время аккуратно собрать все барахло, что она накидала за неделю, аккуратно запихнуть его в пакет и выкинуть в форточку. Пускай потом ищет, если бомжи не растащат.

Демид сморщил нос. Определенно в комнате что-то было не так. С лестничной клетки тащит? Там с ночи стоял такой аромат, будто некий полуразложившийся покойник ночевал на полу, подложив для мягкости под голову собственную оторванную ногу. Нет, в квартире было что-то другое. Это даже не пахло, просто было ЧУЖИМ, шпионски проникшим извне в цитадель Демида. В его дом, в его крепость.

Дема снова пошел, распиная ногами лекины вещички. Свинарник! Утром Лека встала сама не своя, снова ей дурной сон приснился. Наверное, опять к своему психотерапевту побежит – рассказывать, как спала, с кем спала, что чувствовала при этом.

Это была не его душа. Душа Леки. Но он чувствовал тревожные признаки вторжения – будто пытались залезть в его собственные мысли. То, что Лека забыла и хотела вспомнить, было тем же, что забыл он. Забыл и не хотел вспоминать.

Он вспомнил утренний разговор. Ему показалось, что он сумел ее в чем-то убедить. Показалось? Если новоявленный гений Панкратов попытается применить гипноз, девчонке конец. Что делать? Пойти набить ему морду? Нет, таким правильным, как Панкратов, физиономии бить нельзя, такие сразу бегут в милицию. А у Демида и так репутация некудышная, на честном слове держится. Непонятно, как этот Антонов, эксперт хренов, допустил его до вскрытия?

Антонов... Залез, стервец, в самую душу. До этого все было так хорошо. Ну да, разборки там всякие с идиотами-иностранцами, которые выгоды своей не понимают. Ерунда это, Дема все равно нашел бы покупателя для своего мясного ноу-хау. Товар есть товар. Главное в жизни – душевное равновесие. А вот оно-то как раз и рухнуло к чертям собачьим. И все из-за этого Антонова и его Короля Крыс.

Король Крыс был ОТТУДА, из забытого деминого прошлого. Разумеется, это было только догадкой. До большего Дема докапываться не хотел. Если его недавнее прошлое было таким, тем более не стоило о нем вспоминать.

Держаться подальше. Держаться подальше.

если прошлое само не найдет тебя

Ну вот, чертов голосок опять завякал. Бог с ним, с навязчивым alter ego¹². Досадный диссонанс сознания, не более того. Если бы он был сильнее, свел бы Демида с ума. Но Демид сам кого хочешь с ума сведет.

И снова, как всякий раз, когда включался внутренний голос, Демид почувствовал щелчок там, в подсознании, в подкорке, в гиппокампе, в хренокампе, или как там он еще называется, и все вокруг поплыло, качнулось и встало на место, на совсем другое место, и хотя он стоял на полу, а пол стоял на бетонных балках перекрытия, а балки стояли на опорах, а опоры лежали на фундаменте, а фундамент лежал на земной коре, а кора лежала на раскаленной магме планеты Земля, а Земля, само собой, валялась на трех китах, он уже знал, что стоит совсем в другом месте, которое почему-то притворялось тем же самым местом, в котором никто не находил ничего обычного. Но только время в этом другом месте вело себя неправильно – оно не просто текло, оно извивалось, закручивалось вокруг Демида липкими лентами, норовя приклеить его, как муху, и заставить бить крылышками, и задыхаться, и сохнуть на жаре, превращаясь в бесполезную хитиновую оболочку. И опять он стоял, и боялся пошевелить ногами и руками, чтобы не приклеиться к этому липкому времени, и старался не дышать, но все равно дышал, потому что не мог перестать, и дышал, и стучал сердцем, и сопел дырками носа, и потел, и выдыхал, само собой, углекислый газ. Организм его функционировал как машина, а сознание совершало судорожные скачки между коробкой черепа и коробкой телевизора, и коробкой квартиры, и коробкой передач старого Фиата с переломленным хребтом на стоянке соседней улицы, и коробкой пивного ларька на углу, и картонной коробкой страны, валяющейся на окраинной свалке цивилизации. Покоробленный Коробов стоял и глядел в окно, и видел ползучую маресь, которая называлась сумерками, пыльное удушье, которое называлось погодой, и двуногих насекомых, которые назывались людьми и ползли по разрезанным вдоль трубам, называемым улицами. А еще он видел, а может, просто слышал глазами маленькие шарики, снующие туда-сюда по проводам, кашель чужих голосов в черных ловушках телефонных трубок, стрекотание обоев, сползающих по стене, жалобы деревьев, стоящих по щиколотку в соли, и подошвы его жгло, словно и сам он пил корнями не воду, а мутную солено-бензиновую рапу, и мрачные птицы садились на его сучья и сидели, нахохлившись, и ждали смерти – может, своей, а может, и чужой.

Он был всем – не был только собой. Он сделал шаг и поднял вместе с ногой прилипший к пятке земной шар. И стоял так, не в силах опустить ногу, боясь раздавить все, что нечаянно выросло на этой земле за последний день – бородавки гор, лужицы океанов, патагонскую пампу, жирафов и холерных вибрионов, и, конечно, трехпалых ленивцев, и, само собой, биосферу, техносферу и компьютерную сеть Интернет. А ехидный внутренний голос сидел как наездник на *falx cerebri*¹³ и молчал, но Демид, разумеется, знал, что за ним наблюдают, и смотрят с усмешкой – что-то теперь он будет делать, чтобы не раздавить своих любимых унау-ленивцев. А Демид – что же он? Опустил ногу обратно, как будто ничего и не случилось. И Земля вернулась на место, даже стала как-то поустойчивей, постабильней, что ли. А Демид терпел – он знал, что еще немного, и сумерки загустеют, и вот уже облезлая лепешка луны шлепнулась на небо, и дырявая завеса ночного купола засветилась звездными прорезами, и воздух стал темнее и кислороднее, а, значит, тысячелетие часа уже кончилось и Дема мог вернуться домой – в свое тело, в свое время и в свое я.

– Ф-ф-ф... – Демид растер рукой грудь. – Кажется, отпустило.

¹² Второе Я (лат.)

¹³ «Серп мозга» (лат.) – анатомический термин.

Внутренний голос, конечно, не уйдет, будет подавать свои ехидные реплики, но это не в счет. Внутренний голос – это он же, Демид, – тот старый Демид, который знает намного больше, только теперешний Демид все равно сильнее, потому что у него есть свой собственный голос, а также туловище, верхние и нижние конечности, аппендикс, член, слюнные железы – все то, чего нет у ТОГО. И сколько не насылай на него туманный морок, он все равно останется сильнее, и не изменит своего мнения и не захочет вернуться ТУДА, как бы его не звали, какими бы соблазнами не искушали.

Уф-ф. Чем заняться-то? Демид ткнул пальцем в кнопку компьютера, и тот послушно выплюнул белые буковки на черный экран. Поиграться, что ли? Компьютер высунул белый язык в ожидании подачи, Дема положил на него диск с игрой и компьютер жадно проглотил его. Во что там Лека сражается? Очередная трехмерная бродилка-стрелялка – последняя версия, свежеворованная пиратами. Невиданный рывок в технологии компьютерных игр. Сейчас рванем. Разберемся.

Колонки закашляли разрывами выстрелов. Дема оседлал стул и понесся по ужасным мрачногрязнозеленым лабиринтам. Враги рычали справа, слева, сверху, снизу, выпрыгивали из болот с ядовитой водой, сваливались с балконов, с ревом вылетали из-за угла, стреляли, плевались лучами, метали гранаты и ошметки крови. Дема жал на гашетку, разнося в клочья одного уроды за другим, нажимал на тайные панели, и шел шел шел по трупам черт знает куда.

Не стоило ему заниматься этим. Потому что враги вдруг исчезли, и знакомая морда появилась на экране.

«Привет, Дема, – сказал Король Крыс. – Ты получил мой подарочек?»

Дема нажал на левый Ctrl и метнул в Короля Крыс ракету. Король Крыс игнорировал вспышку, разбившуюся об его нос. «Слабовато, – сказал он. – Смелого пуля боится. Теперь моя очередь заниматься вивисекцией. – Он высунул через экран лапу и воткнул коготь Демиду в грудь. – Иди сюда, Защитник, – сказал он и потянул Демида к себе. – Я голоден. Я так голоден...»

Звонок в дверь вывел Демида из параноического транса. Дема мотнул головой и очухался. Компьютер завис, показывая пеструю цифирную дребедень. Никакого Короля Крыс не существовало. Все, что от него осталось, покоилось в лаборатории Конторы, разложенное по пакетикам и нарезанное на гистологические срезы.

В дверь звонили. Обычно по звонку Дема сразу определял, кто стоит там, снаружи, стоит и пританцовывает от нетерпения, как Лека, или пьяно наклонно упирается лбом в кнопку, как Григорий Лукич, соседский ценитель вин, или деликатно, мышино трогает звонок, как старушка Клавдия Степановна, супруга Лукича. Этот звонок был незнакомым, всхлипывающим, словно палец срывался с кнопки и не мог снова попасть на нее.

– Кто там? – В дверном глазке, конечно, ни черта не было видно. – Кто там, я говорю?

Бормотание, раздавшееся в ответ, четкой классификации не подлежало. Судя по трудноразличимому «...Дема... бля...» говорящий субъект был знаком с русским языком, но в данный момент испытывал затруднения в его употреблении. Что еще было в голосе? Дикий страх. Кто-то был готов визжать от страха там, за дверью, но пока издавал только невнятное хрюканье.

«Открыть? Чего мне бояться, я же боец. Потренируюсь лишний раз. Для пользы дела.»
потренировался уже однажды. крепко тебе тогда Лось в морду въехал

«Сам ты лось. Заткнись».

Дема щелкнул замком и тот, кто стоя лежал на двери с той стороны, свалился в его объятия.

– Дем-ма... бляхх... Ты, елки... хоть хрена понимаешь-шь?.. Нет, бляхх... Ну как же так?

Майор Антонов собственной персоной. Пьяный в драбадан.

– Так-так. – Дема прислонил майора к стене, и тот, как ни странно, стоял, хотя по всем законам физики не мог стоять под таким пизанским углом, должен был упасть на пол и растечься алкогольной кляксой.

– По должностным обязанностям пожаловали, товарищ эксперт? Или кагорчик обещанный принесли? И употребили по пути?

– Ик! – громко, четко, по армейскому ответил Антонов. После чего придал своему телу наклонное вперед положение, и, непостижимым образом сохраняя равновесие, хотя ноги норовили пойти каждая в свою сторону, решительным марш-броском пересек комнату и рухнул на диван. Нижняя его половина все же не рассчитала силы и осталась коленями на полу, слабо шебуршилась, пытаясь залезть на Эверест дивана, зато грудь, руки и черепная коробка расположились на подушке согласно уставу и уже спали. Дрыхли мертвецки пьяным сном.

Демид, добрая душа, подошел к своему гостю, и одним движением забросил его ноги на диван. Пожалел майора. Пускай спит, все равно от него пока толку никакого. *No funciona bien*¹⁴.

Ага, вот это уже кое-что поинтереснее: на лестничной клетке валялся здоровенный чемоданчик, дипломат Антонова. Демид запер дверь, поставил кейс на стол и сел напротив, положив ногу на ногу.

Хорошая штучка, модная: черный резинопластик, синие благородные обводы. Золотой овал фирмы на боку. Замочки плоские, почти не видные. С кодами.

Подобные чемоданчики свидетельствовали о хорошем вкусе, о наличии денег, надежной репутации и деловом образе жизни у хозяина. Они продавались в любом магазине (не то что в прежние бедные времена, когда школьник Дема мастерил себе дипломат из фанеры, обтягивал его дерматином и шурупами привинчивал задвижки от ящика, ворованного на армейском складе). Они имели навороченные замки, три степени защиты и *теоретически* не поддавались вскрытию.

Этот кейс был очень похож на своих магазинных собратьев. Только он плевал на теорию и не поддавался вскрытию *практически*. Такие чемоданы делали на конверсионном заводе в Серпухове. Спецзаказ. Видел Дема такие штучки. И знал, кому они выдавались.

Да-да, проникательный читатель, ты не ошибся. В данный момент Демид собирался сделать именно это – вскрыть чужой дипломат без зазрения совести. И переступить через закон заставляло его единственное, но очень веское чувство – любопытство. Дема был дьявольски любопытен в отношении всего, что касалось его собственной персоны. А этот дипломат имел к нему самое прямое отношение.

Демид наклонился над исследуемым объектом и внимательно изучил его внешнее строение. Результаты исследования Дему не обрадовали. Замки не имели ни единого отверстия – только едва заметные щелки квадратных обводов, в которые не удалось бы засунуть и бритвенное лезвие. Дема постучал ногтем по замкам и пришел к выводу, что сделаны они не из дохлого хрупкого силумина, а из стали – может быть, даже легированной.

Попробовать разрубить чемодан топором? Изомнется, как консервная банка, но не прорвется – такой материал. Что будет с содержимым чемодана в таком случае, лучше не думать. Труха.

Выход был. Кислота. Конечно, не вульгарная азотная, и даже не концентрированная серная. А специальная, название которой мы оглашать не будем в целях невыдачи стратегических секретов (хотя если вы имеете компьютер и телефон, и небольшое количество денег, и достаточно свободного времени, вы можете залезть в Интернет и извлечь оттуда не то что формулу вышеупомянутого вещества, но даже способ производства небольшой вакуумной

¹⁴ Не работает как следует (исп.)

бомбы карманного формата). И конечно, Дема отправился в туалет, и выудил из шкафчика флакончик из-под лака для ногтей, в котором содержалась та самая гадость. После чего он поставил дипломат на пол (не стол же портить) и аккуратно, стеклянной палочкой нанес по три капли жидкости на каждый замок.

Вонючий зеленый сероводородный дымок тонкой струйкой поднялся в воздух. Дема приставил отвертку к щелке замка и ударил по ней молотком. Отвертка с хрустом вошла вглубь на три сантиметра, после чего Демид выворотил замок в заранее подставленную стеклянную банку. Для вскрытия замка номер два пришлось взять вторую отвертку, потому что первая уже была разъедена до пластмассовой ручки. А после того как Дема варварски выломал все, что ему мешало и открыл черную крышку, он взял щепотку соды и тщательно посыпал все, даже самые малейшие зеленые пятнышки в чемодане и на полу. Он вовсе не желал, чтобы дьявольское вещество продолжало свое разрушительное действие и не собирался через некоторое время наблюдать интимную жизнь соседей снизу через дырки в полу.

Первое, что бросалось в глаза: дипломат, согласно ожиданиям, содержал бутылки – аж четыре штуки. Правда, две из них – те, что предпочел бы сам Демид, были пустыми. Две бутылки из-под хорошей водки с труднопереводимым названием «НЗШВ» были пустыми, а значит, содержимое их в настоящий момент плескалось в желудке, двенадцатиперстной кишке, а также голове, руках и ногах и прочих частях тела майора Антонова. Что, конечно, было дозой изрядной, но, учитывая физические кондиции майора, не смертельной.

Две прочие бутылки были полны, но содержали, увы, не водку, и даже не обещанный кагор. Это была туркменская мадера «Сэхра», по 0,5 л, разлитая, к счастью, не в Туркмении, а неподалеку от Нижнего Новгорода, в поселке имени товарища Чкалова. Короче говоря, вино хорошее – для алкоголиков. И для тех, кто никогда не слышал таких слов, как *Rioja blanca* и *Semillon Shardonnay* от *Hardys*.

Дема принес два стакана, нарезал рыбки, плеснул в один стакан на три пальца деревянного напитка. Другой стакан оставил пустым. Хотел накрыть его ржаной корочкой, но усмехнулся и передумал. Нехорошая шутка.

Вино упало внутрь Демиды и сразу же поползло по кровеносной системе, начиная свое вредоносное успокоительное действие. Внутренний голосок недовольно заерзал в ушах.

раньше ты не пил — сообщил он. – *ТОГДА ты не пил*

Демид оставил голос без ответа. Налил еще полстакана и молодежато тяпнул, давась от отвращения. *Alter ego* всхлипнул и умолк, отравленный напрочь.

Демид продолжил исследование дипломата. Видеокассета без опознавательных знаков. Порнушка какая-нибудь? Оставим на потом. Папка с документами. Досье на Коробова Д.П.? Демид неторопливо шуршал бумагами, выкладывая их на стол. Номер «Красной Звезды», где всенародно известному военному чину на первой странице были пририсованы рога и борода и написано: «козел ...учий». Товарный чек на «линейки деревянные, в количестве 30 штук». Разрешение на ношение оружия. Бумага с гербом России, из которой следовало, что Антонов В.Ф., майор медицинской службы запаса, кандидат медицинских наук, в настоящее время исполняет гражданские обязанности заведующего лабораторией гистологической и трассеологической идентификации (для непосвященного человека достаточно туманно и вполне в духе нынешнего модного ограждения тех, кому раньше непременно полагались погоны).

Ничего особо интересного. Ну конечно, кто будет таскать досье на тебя в чемодане? По крайней мере, понятно, откуда у эксперта Антонова специфические познания о строении тела млекопитающих и зубной формуле. Бывший военврач, почти коллега Демиды.

Ага. Вот еще пакетик какой-то. Демид выудил оттуда две фотографии и остолбенел. Фотографии были сделаны «Поляроидом» энное количество лет назад где-то на прибалтийском пляже. Дема не помнил их, потому что фотографии были ОТТУДА – из того времени,

которое он забыл. Если бы внутренний голос не был капитально загашен алкоголем, он бы вставил ехидную фразу. Что-нибудь типа *"вот она порнушка-то веселое было времечко"*. Но он пьяно дрых в пыльном подвале подсознания и не подавал признаков жизни.

На поблекших снимках были изображены Демид и Лека. Загорелый и мускулистый Коробов сидел в шезлонге, облаченный в полосатые плавочки и читал книжку. Дема с трудом узнал самого себя – волосы у него на фотографии были длинные и неестественно белые, выжженные перекисью водорода. Зато Леку не узнать было невозможно. Она стояла в полный рост и загорала, закрыв на солнце глаза и заложив руки за голову. Совершенно голая. Во всех знакомых подробностях – мягкие впадинки подмышек, соблазнительно поднятые грудки, идеальный живот с ямочкой пупка, узкий, аккуратно подбритый темный треугольник, плавные линии едва расставленных ног. Блаженная полуулыбка, устремленная к солнцу и к небу.

Демид аж подпрыгнул. Какое право имеет какой-то тип таскать в чемодане фотографии ЕГО девушки? Совершенно голой ЕГО девушки, сделанные неизвестно когда и кем. На заднем фоне фотографии толпились другие представители обнаженной массовки – пляж был явно нудистским. Но это не имело значения. ЕГО Леку нельзя таскать без трусов с чужом чемодане, и, может быть, демонстрировать коллегам, и щелкать похотливо языком, и обсуждать ее грудки и попку и говорить: «Эх, блин, меня там не было»... Демид положил фотографии в пакет и кинул в ящик своего стола, на самое дно. Конфисковал.

Честно говоря, он здорово завелся, увидев *такую* Леку. Он уже привык к своей девочке Леке, все было так обычно и так удобно с ней, и не так уж ново, и уже не перехватывало дыхание и совсем не кружилась голова, а просто три раза в неделю он любил ее он исследовал ее влажную ложбинку и входил в нее и делал то, что так хорошо умел делать, пока все не кончалось и можно было спать. Ему захотелось Леку прямо сейчас. Если бы она неожиданно пришла домой... Демид оглянулся на майора... Майор не помешал бы. Можно было расположиться рядом с ним, или даже прямо на нем – он все равно не проснулся бы от раскачивания и вскриков – он был не живее египетской мумии, этот майор. Лека согласилась бы, она любила пикантные ситуации. Она любила делать это в подъезде, в машине на обочине, в плацкартном вагоне, в лодке на лодочной станции... Она была немножко сумасшедшей, Лека. Немножко сумасшедшей, в отличие от полностью свихнувшегося (хотя и спокойного внешне) Демида.

Еще одна фотография: качественная, неполяроидная, черно-белая. Физиономия какого-то пожилого монголоида. Китайца, судя по иероглифам, которые шли узорчатым столбиком сверху вниз. Демид не знал китайского. Не знал сейчас, потому что догадывался, что раньше он знал этот язык. Догадывался по изобилию книг на китайском языке, которые и поныне стояли на полках в его библиотеке. Но теперешний Дема не хотел знать китайский, теперь он учил испанский. Ему нравился испанский, это было его *pasatiempo favorito*¹⁵. Он хотел читать Маркеса в подлиннике.

Так или иначе, по всем признакам это был его, демин китаец, а потому фотография его также отправилась в ящик стола.

Основательно разграбив кейс Антонова, Дема пришел к трем выводам. Первое: ничего интересного (кроме мадеры) он там не нашел. Второе: майор совал нос в его дела и раньше, и знал что-то о демидовой прежней жизни. Третье: приняв во внимание два первых вывода и учитывая экстраординарное поведение майора, несвойственное секретным агентам, стоило заняться самим гостем и попросить объяснить его некоторые неясности.

А потому Демид подошел к майору и нежно, по-сыновьему, схватил за шею, придав ему сидячее, более или менее устойчивое положение. Признаков сознательной деятельности

¹⁵ Любимое времяпрепровождение (исп.)

майор по-прежнему не подавал. Демид наклонил его вперед, и, придерживая одной рукой за лоб, другой содрал пиджак. Тот самый шикарный пиджак, почти не помявшийся, правда, в паре мест заляпанный блевотиной. Под пиджаком, естественно, обнаружилась кобура, привязанная подмышкой классическими наспинными ремнями. В кобуре находился заряженный на полную катушку табельный пистолет «Макаров» (просто «ПМ», не какой-нибудь модный в определенных кругах «Стечкин»). Дема освободил эксперта от утомительных военных причиндалов и бросил их на кресло. Развязал на Антонове галстук... И на этом остановился.

Расхотелось Демиду раздевать майора догола и тащить его волоком по квартире, и плюхать в холодную ванну, и держать за голову, чтобы не захлебнулся, и бить по щекам, чтоб очухался. Да и какое удовольствие – проснуться в чужой ледяной ванне, с дикого бодуна, голым, униженным, со сморщенной мошонкой, и выяснять, что ты тут делаешь, и что ты успел натворить, и что от тебя нужно... О каком душевном разговоре может идти в таком случае речь? А Дема желал разговора подробного – может быть, не дружеского, не панибратского, возможно, даже с применением некоторых мер психологического воздействия, но все же не насильственно-гестаповского.

На минуту Демиду стало жалко майора Антонова. Бедняга не знал, с кем связался, к какому монстру собственноручно сунулся в берлогу, да еще и в пьяном виде.

«Жалко? А кто тебя жалеет? Жалеют, конечно. Жалеют – но только те люди, которые ничего для тебя сделать не могут. Милые, добрые, совершенно не приспособленные к законам волчьего времени».

Майор к таковым милым не принадлежал. И Демид решился. Собственно говоря, почему решился? Он давно уже решил, и выбора у майора не оставалось. Есть такая хитрая штука – протрезвляет человека в два счета.

Правда, то, что человек при этом протрезвлении чувствует, лучше не описывать. Это, так сказать, издержки метода. Лучше оставить это за кадром в целях гуманности и видимости человеколюбия автора.

Словом, плохо себя этот человек чувствует. Все у него болит. Все, что может, болит, и даже то, что не может болеть, тоже болит. Например, волосы и ногти.

Вот к такому действию был приговорен майор Антонов, и Демид приступил немедленно. Он закатал рукав рубашки Антонова. Мощное предплечье поросло густыми черными волосами, а с внутренней стороны его Демид обнаружил татуировку – горы, орел, и надпись «Кандагар-1982». Рядом с татуировкой был круглый рубец. С обратной стороны предплечья тоже был шрам – только рваный и раза в три побольше. Из чего Демид сделал вывод, что Антонов (тогда, естественно, еще не в ранге майора) служил в Афганистане и имел, как минимум, одно пулевое ранение.

После этого Демид закрепил резиновый жгут на руке майора, и, когда вены вздулись, вкатил майору ни много ни мало 20 кубиков зеленой жидкости, которую совершенно официально заказывал ребятам с химфака для повышения мутагенности у лабораторных крыс.

Отвратительная гадость... Бр-р-р... Дему аж передернуло. Для твоего же блага, майор. Для твоего.

А потом сел в кресло и задумчиво уставился на своего гостя.

И все же не все рассчитал Демид, расслабился. Был уверен, что майор минут двадцать будет корчиться от боли, и выть в голос, и просить аналгинчику, или промедольчику, или хоть чего черт возьми, чтобы снять эту дикую ломку и не сдохнуть на месте. А майор – вот он, уже вскочил как пружина, физиономия перекошена до немыслимой конфигурации,

глаза навывкате, кровью налиты, как у быка. И пистолет майоров – вот он уже в майоровой ручище, и смотрит куда полагается, прямо в лоб Демиду. Крепок мужик оказался. Зря все-таки ругают нашу армию. Зря.

Неадекватная реакция – вот как это называется.

Неожиданно Демид осознал, что майор может выстрелить. Кто знает, что творится сейчас в его бедной башке, всхлестнутой выворачивающей мозги наизнанку дозой крысиного мутагена? Выстрелит. Будет потом жалеть о содеянном, срок поймают. Взял, убил такого хорошего человека ни за что ни про что.

– Опустит пушку, Антонов, – сказал Демид.

Майор нажал на курок.

Демид невольно втянул голову в плечи. Зажмурился невольно, зубы сжал. Ужасно, когда в тебя стреляют – даже вхолостую. Не ожидал Дема такого от Эксперта В Хорошем Пиджаке.

– Слышь, майор, положи пушку. – Демид говорил медленно, слово за словом. – Ты сейчас немного не в себе. Сядь, успокойся. Пистолет я твой обезопасил, само собой. Обойма у меня в кармане...

Антонов взревел, бросился как разъяренный медведь – полоснуть лапищей по морде. Демид даже вскочить не успел – отправил майора в нокаут ногой. Въехал ему в спешке в солнечное сплетение – неблагородно, но что ж поделаешь? Не было времени на изящные танцы. С ракетой не шутят, ее сбивают на лету.

Пресс у майора был – что твоя доска. Железный человек. Другому хватило бы такого удара, чтобы две недели кишки нянчить. Антонов же самостоятельно заполз на диван, скрючился там и затих. Уставился на Демида красными глазами.

– Хреново? – поинтересовался Дема.

– Ты что делаешь, паскуда? – первые слова, выданные майором, не отличались свежестью интонации, но уже внушали надежду на выздоровление. – Ты что, сучонок, творишь? Ты табельное оружие... Ты знаешь, что за это полагается?..

– А ты, майор, мать твою, чем думаешь? Задницей? – Дема едва сдерживался, чтобы не вскочить и не продолжить экзекуцию. – Да ты Бога должен благодарить, что я «Макар» твой разоружил! Сдурел? Я, конечно, не ангел, но пулю в лоб еще не заслужил. И статью за меня ты бы получил с полной выкладкой. Здесь тебе не Афган – пацанов отстреливать.

– Ты Афган не трожь. – Майор выплюнул сгусток крови на пол и вытер рот рукавом. – Сам-то ты, шкура такая, дома отсиживался, когда сынки под пули ложились. Я ведь знаю, как тебя призывали: бронь тебе выписали, супермену-убийце, по всем правилам. Кротов хлопотал. Сам Крот, ядрить его в душу. Для себя он тебя берег.

– Я не супермен. И не убийца, типун тебе на язык. И с Кротом я работать не стал, и даже не потому, что воров не любил и не люблю. Просто я сам по себе, понимаешь? По мне, что в Афгане людей убивать, что по заказу Крота, все один грех. Грех!

– Ты Афган с ворьем не равняй, – Антонов глянул не то что добрее, да не так уже зверино. – Может, кто там и в штабе отсиживался, а у нас на передовой, в жарнице раскаленной, индивидуалисты-гуманисты долго не выживали. Если бы теперь, в бардаке нашем российском, те законы ввести, порядку бы намного больше было.

– Порядок, говоришь? – Демид горько усмехнулся. – Тот порядок, когда без «плана» визжать от страха хотелось? Когда мальчишки твои раненые по три дня на жаре валялись, потому что пробиться к ним не могли? И когда привозили их тебе в палатку, ты смотрел на их гангрену, на их черные распухшие ноги, и ночью плакал и материл в бога душу мать всех, кто отправил их подыхать за огрызки бессмысленной идеи? Ты не был гуманистом, когда писал рапорт с просьбой послать тебя, сосунка-лейтенанта медслужбы, прикрытого со всех сторон папашей-генералом, в самое пекло? Ты думал о порядке, когда отпиливал руку

сержанту Григоряну – при свечке, с дозой трофейного опиума вместо наркоза? Ампутировал тупым скальпелем и ножовкой, протертой спиртом, потому что знал – нельзя не ампутировать, иначе помрет твой друг Рафик Григорян, бабник и гитарист. О таком порядке ты говоришь?

Антонов покачал головой.

– Вот значит, как? – сказал он. – Мысли мои читаешь, значит, как с листа? Выходит, что ты на самом деле телепат, не врет твоё досье? Слушай, как это бывает – мысли чужие слышать?

– Черт его знает, как. Это от меня не зависит. Иногда прошибает вот так, как сейчас. Ты вспомнил Афган – и я вместе с тобой вспомнил. Твой Афган. Не нравится мне это – мысли читать, да что поделаешь? Таким уж уродом я на свет родился.

Антонов, охнув от боли, приподнялся, и боком, как краб, держась за ребра, поплелся по комнате. При виде изувеченного дипломата крикнул – уже скорее горестно, чем злобно. Не было, наверное, уже сил злиться на Демиду.

– Что ж ты делаешь-то, идиот? Хочешь, чтоб меня с работы выперли? Кейс весь раздробил. Знаешь, сколько он стоит? Я его, между прочим, по описи получил. – Майор со второй попытки опустился на колени перед ворохом бумаг и начал бессмысленно запихивать их обратно в дипломат.

– По описи и сдашь. Объяснительную напишешь: как надрался до поросёчьего визга, завалился к подозреваемому, кейс свой проворонил, оружие применил. Я готов нести ответственность. Протокольчик подпишу. Напишу: мадерки, мол, захотелось, не мог удержаться на почве хронического алкоголизма. Годик мне скостят за чистосердечное раскаяние. И тебе – парочку.

– Налей... – Антонов протянул руку к бутылке. Дема метнулся к столу и перехватил бутылку, спрятал её за спину.

– Да ты что! Мало выпил сегодня? Сдохнешь!

– Налей, прошу! – Майор устало опустился на диван. – Ты ж не хрена не знаешь, что случилось!

Демид собрался возразить, но глянул в глаза майора и понял. Молча плеснул в стаканы, сел рядом.

– Ну, за что пьем-то? За знакомство или *por salud*¹⁶? Хотя какое уж там здоровье?

Майор Антонов выпил свою порцию молча. Вытер губы ладонью. Приподнялся, разлил остатки мадеры. Показал глазами – пей, мол.

Выпили.

– А сейчас, – сказал Антонов, – я тебе сильно настроение испорчу. И я тут не при чем. И Контора наша тоже совершенно не при чем. И вообще, если бы я знал, кто тут при чем, я бы к тебе не пришел. Сам бы во всем разобрался, а потом бы Нобелевскую отхватил. Только мне это не по зубам, чувствую.

Майор взял со стола видеокассету, небрежно отброшенную Демой, подошел к видеомагнитофону, пихнул кассету в отверстие.

– Включай, – сказал он. – Заводи кино, остряк. Комедия – такую ты еще не видел. И пакетик приготовь – как в самолете, если поблевать потянет.

Сердце Демиды неприятно зашебурилось. Он решительно не знал, что такое он мог там увидеть – связанное с ним, с Демидом, и заставившее надраться до свинского состояния такого непрошибаемого быка, как Антонов. Может быть, что-то *забытое*?

– Я не хочу, – сказал он. – Это может нарушить равновесие.

¹⁶ За здоровье (исп.)

– Жми, жми на кнопочку! – Майор прикуривал и пальцы его тряслись. – Равновесие, бля! Нету больше никакого равновесия. Амба! Рухнуло все к чертовой матери! Не прячь башку в песок, парень. Знаешь, как у нас, медиков, говорят? Если ты не схватишь рак, то рак схватит тебя. Хватай, парнишка! Твоя неделя.

Дема щелкнул пультом. Похоже, майор уже не боялся ответственности за разглашение служебной тайны. Случилось нечто, заставившее встать его выше ответственности. Или разделить ответственность с Демидом.

На экране появилась лаборатория – та самая, в которой вчера Демид так красиво и профессионально орудовал скальпелем, разрезая непонятого мутанта с непонятными зубами, названного почему-то Королем Крыс.

Камера смотрела прямо на останки Короля Крыс, на холодильник с прозрачной дверью, на полках которого стояли сосуды и подносы с органами Короля Крыс, ожидающими дальнейшего исследования. И стекло это было очень чистым, и было видно все, как на ладони – почки, кишки, глазные яблоки и вся прочая мертвая дрянь, оставшаяся от дряни живой.

Минут пять ничего не происходило. Майор молча курил, Демид молча смотрел. Он не задавал вопросов, хотя ему хотелось вскочить, и заорать ЗАЧЕМ ТЫ СКОТИНА ПРИНЕС В МОЙ ДОМ ЭТО?!! Он молчал и смотрел. Он уже догадывался.

Первым ожило сердце Короля Крыс. Оно слегка встрепенулось, как бы в недоумении, но потом вспомнило о своем предназначении: сжалось – расслабилось – снова сжалось, и вот уже начало биться ровными толчками, выплевывая из трубки аорты струйки формалина.

Почки присоединились позже – поползли по дну стеклянной посуды как тупые моллюски, не находя выхода. Кишечник вздрогнул от холода и поднял внимательную луковичку прямой кишки – как кобра, с любопытством озираясь вокруг. Этот-то явно знал, что делать. Он заскользил через край сосуда, переваливая одно за другим змеиные кольца через край, пополз, оставляя блестящие полосы слизи. Пополз к мозгу.

Мозг лежал неподвижно. Лежал неподвижно, хотя все органы уже ожили и двигались к нему – кто-то медленно барахтался, не в силах преодолеть стенок своей темницы, кто-то спешил с неумолимым упорством, расталкивая всех на своем пути.

"Господи, почему мы не сожгли все это сразу?" – Демид сидел бледный и мокрый. Его тошнило – не от отвращения, а от страха. Никогда ему не было так страшно.

Мозг Короля Крыс, наполовину уничтоженный выстрелом, вздрогнул. Это нельзя было назвать движением куда-то. Он просто вздрогнул и слегка увеличился в размерах. А потом еще раз. Мозг никуда не собирался ползти, все остальные и так ползли к нему. Он просто вздрагивал как серый студень, раз за разом увеличивая свой объем. Он регенерировался. И когда кишечник, опередив всех в безумной гонке, плюхнулся в поднос к мозгу, и присосался к нему (с чавкающим звуком?) поцеловал его, своего любимого гуру, и обвил его своими дрожащими кольцами и остальные органы, одинаково серо-блестящие, собрались в единую шевелящуюся кучу, ожило тело.

Оно лежало на нижней полке, занимая всю ее – выпотрошенное тело без внутренних органов, с разверстой, оскалившейся желтыми сломанными ребрами грудной клеткой, пустой брюшной полостью, отрезанными гениталиями, распиленной головой. Вполне хорошее и целое тело – со шкурой, мышцами, костями и хрящами, с передними и задними лапами и жуткими когтями, способными разорвать лошадь.

Задняя конечность зашарила в воздухе – она искала нечто, причиняющее ей раздражение, но не могла вспомнить, что именно. Она сгибалась в суставах, металась во всех направлениях, пока не уткнулась в бок. И тогда успокоилась, и

(с удовлетворенным рычанием?)

начала чесать бок. Король Крыс чесался как обыкновенная собака.

Дальше все произошло очень быстро. Куча внутренних органов перевалилась со своей полки и плюхнулась на туловище монстра. Органы деловито поползли к местам, предназначенным им природой. Грудная клетка захлопнулась, разрез живота стал срастаться с немислимой скоростью – словно живая застежка-молния решила, что довольно ей пребывать в распахнутом состоянии. Через две минуты король Крыс был цел-целехонек.

Он повернулся на бок, слегка сгорбил спину – ему было тесно там, на нижней полке холодильника. И стекло разлетелось вдребезги. Демид едва удержался, чтобы не закрыть лицо рукой от осколков.

Стекло холодильника лопнуло с оглушительным звуком – до сих пор все происходило беззвучно. Король Крыс стоял на полу и довольно облизывался. Он был очень доволен – этот король Крыс.

А потом он поднялся на задние лапы, придвинулся к самой камере и ухмыляющаяся клыкастая его физиономия заняла весь экран.

– Привет, Дема, – сказал Король Крыс. – Ты получил мой подарочек? Ты должен его получить, Защитник. Ты получишь от меня еще много подарочков, прежде, чем получить последний. Самый последний.

Король Крыс опустил на четыре конечности и помочился на ножку стола. А потом лениво затрусил по полу и исчез из поля зрения камеры.

«Рак схватил меня, – подумал Демид. – Схватил за самые яйца».

Он закрыл рукой лицо. Он не хотел никого видеть. Не хотел видеть экран, не хотел видеть эксперта Антонова, втянувшего его в это дело.

Хотя Антонов был тут не причем. Он был просто пешкой в этой игре. Игре, королем в которой был Король Крыс. А кем был Демид? Он был Иксом – большим неизвестным. Неизвестным прежде всего для самого себя. Он совершенно не знал своей роли. Не знал ничего.

Рак схватил его. А рак, как известно, болезнь смертельная.

«Интересно, может ли хирург оперировать сам себя? Без наркоза, по живому?..»

– Как это случилось? – хрипло спросил Демид.

– Прихожу я утром на работу, – уныло сказал Антонов, – а там, бляха-муха, полный кавардак. Стекло разбито, в холодильнике пусто. Ну, понятное дело, мне и в голову придти не могло, что ЭТОТ сам оттуда вылез. Разве ж нормальному такое в башку придет? На тебя, понятно, в первую очередь согрешил. Думаю: побывал чертов маньяк-генетик Коробов в моей лаборатории и выкрал своего черного Короля Крыс. Ты ж смотрел на него, как на конфетку! Слава Богу, не бросился я сразу начальству докладывать. Чувствую, что-то тут не так. Не мог ты просто так, без шума, в наше учреждение пролезть! Охрана у нас – по высшему классу, тебя если бы не задержали, то просто пристрелили. Но все тихо, никакой тревоги. Смотрю – камера одна работает.

– Так это не ты ее включил?

– Нет, конечно. – Антонов посмотрел на Демида, как на слабоумного. – Мы что, миллионеры, пустые помещения по ночам на пленку снимать?

– Может, забыл выключить?

– Нет, исключено. – Антонов помахал ладонью. – У меня вся аппаратура – полный автомат. Мне ее по заказу собирали. Я ее знаю, как свои пять пальцев... Знаешь что, – он приблизился к Демиду, задевая носом демино ухо. – Это ОН ее включил. Специально, не знаю уж как. Включил, чтобы себя во всей красе показать. Как он регенерироваться будет.

– А он там трупов не оставил? В конторе вашей?

– Нет! Исчез, как в воду канул. Никаких следов, даже дверь заперта.

– А может, он там в это время и сидел? – волосы Демида аж зашевелились от такого предположения. – Где-нибудь в лаборатории под столом?

– Нет. – Антонов глядел совершенно уверенно. – Я опасность нутром чую.

– Значит, никто вообще об этом не знает?

– Об этом, – Антонов ткнул пальцем в кассету, – не знает ни одна живая душа, кроме нас с тобой. – Как посмотрел я эту пленку – так мне хреново стало, как вообще живому человеку быть не может. Ладно, когда на войне людей убивают. Это хоть объяснить можно. А это не объяснить никак... Никак, хоть ты тресни! Я думал, хоть ты что-то знаешь.

– Не знаю... – Демид потер лоб. Боль в его голове разгоралась все сильнее. – Может быть, раньше мог бы... Но теперь, с этими провалами в памяти, я просто инвалид...

– Жаль, я на тебя рассчитывал. Ну куда, скажи, со всей этой научной фантастикой идти? К генералу? К психиатру? Я на дверь табличку повесил – «Дезинфекция. Не открывать. Опасно для жизни». И в магазин отправился. Что было после первой бутылки, я еще помню, хотя и смутно. А дальше... Видать, ноги сами к тебе привели.

– Об этом не должен знать никто, – твердо сказал Демид. – Это только мое дело.

– Ну ты скажешь... – Антонов горестно усмехнулся. – У нас так не бывает. В нашем учреждении порядок, знаешь ли. Дело заведено, мутант наличествовал, извольте предъявить следственный материал. А он-то... Тю-тю. Ожил, с позволения сказать, и сделал ноги. Да еще и наговорил кучу гадостей.

– Ты сделаешь нового Короля Крыс, – сказал Демид.

– Да ты сдурел, парень! – отшатнулся Антонов.

– Изготовишь подделку, и очень быстро. Не думаю, что это будет так уж трудно. Собак много по улицам бегает.

– Это что мне, самому собаку отстреливать?

– Отстрелишь, – холодно сказал Демид. – Людей же отстреливал. Больше проблемы с его зубами будет. Говорил же я тебе – ненормальные у него зубы!

– А я что, говорил, что они нормальные? – огрызнулся Антонов. – Ты лучше предложи что-нибудь путное.

– Есть идея, – Демид поднялся с места. – Пошли к Алику.

Далеко к Алику идти не пришлось, он жил по соседству – через дорогу от Демиды. Дема и майор Антонов поднялись на последний этаж. Демид нажал на звонок.

– Кто такой Алик? – хмуро поинтересовался Антонов.

– Алик – мой друг.

– Что, на троих соображать будем?

– Альберт – зубной техник, – пояснил Демид. – Мастер непревзойденный. Он зубы не то что для собаки – для курицы сделает, от настоящих не отличишь.

– А что, у курицы зубы есть? – Антонов выглядел озадаченно.

– Есть. Только маленькие.

Дема хмыкнул. Майор начал терять чувство юмора – наверное, в самом деле устал.

За железной дверью вдалеке раздавался сонный женский голос. Непрестанно бухала собака – простуженным басом.

– Большая собачка у него?

– Большая, – сказал Демид. – Туркменский волкодав, размером с нашего Короля Крыс. Только прыть у него уже не та, старый он. Руку не откусит, разве только соплями измажет.

– Амир, заткнись, кому сказал! – дверь приоткрылась и появился невероятно заспанный молодой человек небольшого роста. Человек был гол по пояс, недостаток волос на его голове с успехом компенсировался мужественной растительностью на жилистом теле.

Одной рукой Алик поддерживал сваливающиеся штаны, другой удерживал за ошейник здоровенную псину – по виду смесь дога и овчарки.

– Estas cansado, amigo mío? – участливо спросил Демид. – Tienes un aspecto como la mierda¹⁷.

– Отвянь со своим испанским, Дем... – вяло отреагировал Алик. – Случилось чего?

– Дело есть. Необычайной важности. – Дема протиснулся в дверь. Собака Амир бросился к нему с дружескими объятиями, но Демид брезгливо отпихнул его огромную башку. – Слушай, Алик? Чего он у тебя облезлый какой?

– Сам ты облезлый! – Алик глянул на Амира с плохо скрываемой гордостью. – Амир, сожри его! Я разрешаю.

Правая бровь Амира поползла вверх, левая вниз – в точности как у Элтона Джона во время исполнения "Yellow brick road"¹⁸. Агрессии в умном взгляде пса не читалось.

– Альберт, шутки в сторону. – Демид посерьезнел. – Поговорить нужно. Это Валера. – Он кивнул на Антонова.

Антонов выглядел так, словно боролся с желанием немедленно расстрелять из своего пистолета Демиду, Алика, а заодно и Амира. Напряженно он выглядел.

– Очень приятно. – Альберт мило осклабился, и сразу стало видно, какой он симпатичный человек – добрый и голубоглазый. – Извините, что в таком виде... Галстук не успел одеть... В три часа ночи... Может, на кухню пройдем?

Алик потрепал Амира по голове и тот устало поплелся вдаль по коридору, стуча копытами по линолеуму. Кухня оказалась уютной – небогато, но со вкусом отделанной. Алик оседлал табуретку и закурил.

– Чего?

– Слушай, зубы надо срочно сделать. Полный комплект. Металлопластмасса.

– Сейчас? – Алик вытаращил глаза.

– Ага, сейчас. До утра – полный комплект.

– Значит, так. – Алик ткнул бычком в пепельницу. – Я тебе сейчас, Дем, все зубы выбью за такие шутки. А потом полный комплект поставлю. Из дверной ручки их вырежу, если тебе пластмасса нужна.

– Алик! – Демид сохранял спокойствие. – Зубы ты начнешь делать сейчас, и сделаешь до утра. Ну, до девяти тебе время дам. И не для меня. Звериные зубы надо сделать. Я же помню – ты делал для своей собаки, тебе ее на выставку надо было вести, а одного зуба не хватало. – Он обернулся к Антонову. – Между прочим, первое место тогда его псина заняла.

– Что же это у вас за собака такая – совсем без зубов? – Алик ни черта уже не понимал. – Там что, выставка собачьих инвалидов? Не, Дем, ты рехнулся. Не буду я делать. Ты прикинь: полный набор зубов – это дня три надо. И слепки хоть какие. Раньше надо было приходить.

– Слепков нет. И зубы не собачьи. Я же сказал – звериные. Я тебе сейчас нарисую примерно – какие. – Демид полез за ручкой и начал рисовать на бумажке жуткие кинжалы Короля Крыс. – Вот, все разной длины, в два ряда, премоляры с острой кромкой, примерно как у рыси...

– По-моему, ему нужен психиатр... – Алик переводил взгляд с Демиды на Антонова. – Вы чего сегодня пили, Валер? БФ-6, что ли? Белая горячка, вот как это называется. Я, к примеру, с этим делом завязал. Здоровье замучило.

– Зубы сделать надо, – голос Антонова прозвучал глухо, но стало понятно: ни малейших возможностей для саботажа у Алика нет. – Ты их сделаешь, братишка. Ты же любишь своего друга Демиду? Небось, не раз ему по пьянке клялся, что сделаешь для него что угодно.

¹⁷ Устал, друг мой? Выглядишь, как дерьмо. (исп.)

¹⁸ Желтая кирпичная дорога (англ.)

Мол, ночью к тебе приходи – сделаешь все, что ни попросит. Вот он и пришел. Неужели ты думаешь, что мы по пустяку стали бы по ночам шарахаться? Ты посмотри на эти зубки – это что, по-твоему, рядовой случай? Ты их сделаешь. И мы тебе даже не заплатим. Потому что ты не просто пластмассу точишь – ты человека от тюрьги спасаешь.

– Понял, – Алик как-то резко проснулся. – Значит так, Валера. Сгоняй в киоск. Он во дворе, всю ночь работает. Там Люська обычно дрыхнет, продавщица. Стучи погромче.

– Водки?

– Сказал же тебе – завязал я! – Алик обиделся. – Кофе купишь. Большую банку, мне всю ночь не спать. И три пачки сигарет – «LM». Или... Ладно, хоть что-то с вас содрать. «Парламент». Блок.

Антонова как ветром сдуло.

– Может, хоть что-то объяснишь? – Алик почесал в затылке. – Это как-то связано с ТОЙ твоей историей?

– Мне бы кто-нибудь хоть что-то объяснил... – Дема ткнул пальцем в рисунок. – Работай быстро, Альберт. Халтурь, как можешь. Я знаю, ты не умеешь плохо делать, но на этот раз постарайся побыстрее. Как ты это сделаешь – неважно. Зубки всего на один раз, главное, чтобы они выглядели естественно. Колор пожелтее выбери. И парочку клыков обломай. По моему, там так было.

В полдевятого две огромных зубастых челюсти были готовы. Антонов аккуратно завернул их в газету, кинул в дипломат, из-за отсутствия замков перетянутый клейкой лентой, и отправился на работу. Алик, с жуткой головной болью, принял таблетку баралгина, потом две рюмки коньяка, потом горячую ванну, но заснул только в пять вечера. Спал он беспокойно, ему снилось непонятное существо с жуткими, острыми, окровавленными зубами. Зубами, которые он сделал собственными руками.

ГЛАВА 7

Конечно, Лека снова сидела на приеме у своего психотерапевта. Дурной сон снова повторился и не давал ей покоя. Но еще больше беспокоил ее Демид. Сегодня утром снова устроил разборку – его неприязнь к доктору Панкратову принимала уже характер бреда ревности. Опять был раздраженный утренний разговор – как утренняя разминка перед боем. Все эти разговоры были одинаковыми – Лека могла бы уже написать стандартный сценарий их перепалки с Демидом. Примерно такой:

Демид: Слушай, ты опять пойдешь к этому своему... Панкратову?

Лека: Да. А что?

Демид: Ничего хорошего. Дурь все это.

Лека (повышенным тоном): Что – дурь?!

Демид (с чувством и расстановкой): Дурь то, что ты хочешь ЭТО вспомнить.

Лека: Не лезь не в свое дело.

Демид: Это мое дело.

Лека: Дем, да не будь же ты дитем малым, в конце концов! Тебе что, нравится, что я неврастеничкой стала? Что сосредоточиться ни на чем не могу? Что по дому ничего не делаю? Я хочу вылечиться – это все, чего я хочу! Оставайся ненормальным, если хочешь. А я так больше не могу!

Демид: Ты решила, что если восполнишь провалы в своей дырявой памяти, ты сразу станешь веселой и работающей? Будешь пылесосить ковер, класть свои шмотки на место в шкаф, жарить котлеты, гладить брюки и кропать диссертацию? И при этом являться образцом умиротворенного оптимиста? Ха-ха!

Лека: Да!!! Доктор сказал, что я стану нормальной. Я тебе сейчас все объясню, Дем. Понимаешь, подавленные воспоминания могут быть причиной невроза. Лучше вспомнить это, чем таскать в подсознании. В человеке есть такое «ОНО», и оно может вести себя, как враг...

Демид: Знаю. Папаша Фрейд. Читал я такое. Читал про все эти «ОНО», "Я" и «Сверх-Я». А знаешь, был еще такой поэт хороший, его звали Мэтью Арнольд. Психотерапевтом он не был, но тоже был мужичок не дурак. Он сказал: «Мы забываем потому, что должны это сделать, а не потому что хотим забыть.»

Лека: Поконкретнее, пожалуйста.

Демид: Память – это не только искусство помнить. В еще большей мере это искусство забывать. Я уж не говорю обо всякой мелкой ненужной дребедени, которую ты забываешь каждый час, каждую минуту и тем самым освобождаешь свою голову от бесполезного хлама. Это само собой. Но бывают такие ситуации – когда ЗАБЫТЬ что-то, произошедшее с тобой – единственный способ выжить. Спасти свое Я от полного разрушения.

Лека: ??? (упрямое молчание).

Демид: У нас как раз такой случай. Мы с тобой не должны ничего вспоминать.

Лека: Но это же делает меня психопаткой! Это лезет из меня! Это требует, чтобы его вспомнили! Какой ценой я могу сохранять свой пробел в памяти?

Демид: Любой ценой. Я не знаю, что у меня сидит в подкорке, во всяком случае, у меня ОНО ведет себя не менее агрессивно, чем у тебя. Тебе ОНО сны дурные показывает. А со мной так вообще запросто разговаривает – хочу я того или нет. Знаешь, мерзкий такой голосочек в ушах. Причем, мой же голосочек. Мой! Вспомни, мол, Дема, и будет тебе за это счастье. Но я не хочу ничего вспоминать! Ты что, думаешь, у нас с тобой вправду энцефалит был? Черта с два! Не бывает такого энцефалита на пустом месте. Это наши с тобой бедные организмы работали – мы валялись без сознания, а мозги наши трудились день и

ночь, стирая опасные воспоминания. Они сделали важную работу, а ты хочешь пустить ее насмарку. Очень хорошую работу – блок надежнее любого секретного сейфа. Неспроста вы со своим доктором уже месяц ни черта сделать не можете. Единственное, что мне не нравится – то, что ты нашла хорошего доктора. Слишком хорошего. Твой Панкратов – психотерапевт от Бога. Какой-нибудь старичок-невропатолог, который лечит своих неврастеничек бормотанием с магнитофона «Тембр», давно бы махнул на тебя рукой. А этот – упорный. Он может сломать твою блокировку, и тогда начнется самое страшное. Не трогай ЭТО, Лека, умоляю! Копание в твоих личных воспоминаниях – это так, детские игры. Панкратов знает штучки посильнее, и скоро захочет их применить.

Лека: И что же применит ко мне мой гениальный доктор? Электрический стул со встроенным вибратором? Прыжки с самолета без парашюта?

Демид: Гипноз. Вот как все это называется одним словом: гипноз. Какую бы разновидность гипноза он тебе не предлагал – отказывайся. Ты не должна терять контроля над собой, ни в коем случае. Иначе ЭТО убьет тебя. Не во сне, а на самом деле.

Лека: Мне очень страшно! (фыркает, встает и уходит).

– Лена...

Голос доктора вернул Леку к реальности. Юрий Васильевич Панкратов. Юра, как она давно называла его про себя. Красивый, улыбчивый парень с умным, добрым, деликатным взглядом. Всегда в модерновом пиджаке с засученными рукавами, безукоризненной рубашке и идеально подобранном галстуке. Всегда причесанный. И невероятно умный. Лека знала только одного человека, который был умнее доктора Панкратова – это был Демид. Но быть умнее Демиды было просто невозможно.

– Лена, я освободился. Пойдемте?

– Ага...

– Лена... Слушай, Лена, ты не хочешь выпить?

«Он назвал меня на „ты“. В первый раз...»

«У меня получилось. Я назвал ее на „ты“. О господи, что я делаю? Я просто теряю голову. Но я должен это сделать, ради ее же блага».

– Да, Юрий... Юрий Васильевич. Выпить... Можно немножко...

Два растерянных человека. Две красивых куклы в руках судьбы.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА ПАНКРАТОВА.

"...очень сложный случай. Состояние пациентки ухудшается. Я не уверен, что это уже дело психиатрии, но традиционная психопрактика не воздействует на нее абсолютно. Гипноз? Да, безусловно. Я не сторонник этого метода, но в данном случае показания для гипнотерапии стопроцентные. В чем проблема? В том, что Демид (черт бы его побрал!) намертво вдолбил бедной девушке, что гипноз ей абсолютно противопоказан! К множественным комплексам, которые сидят в подсознании бедной девочки, он добавляет новые табу, даже не подозревая, какое разрушительное воздействие они оказывают на ее психику. Похоже, он считает себя новоявленным сверхчеловеком, что вполне характерно для параноиков с бредом сверхценной идеи.

Я знаю, что делать, и я сделаю это. Сделаю! Надеюсь, эти записи не попадут в чужие руки. Потому что в руках следователя они могут стать уликой.

Разумеется, я сделаю все, чтобы дневник сей был спрятан надежнейшим образом. И все же, господин Следователь, ежели, паче чаяния, вы держите эти страницы в своих руках, прошу Вас понять одно: все, что я сделал, продиктовано только одним – благом моей пациентки. Поверьте моему опыту психотерапевта.

Сыворотка правды."

Нормального бара у доктора Панкратова не было. Бара с неперменной водкой «Smirnoff», джином «Befeater», а также Мартини – белым и красным, армянским бренди и французским коньяком, виски ирландским и шотландским, дюжиной *Vino blanco* и *Vino tinto* всяческих сортов и годов разлива и ликера «Cuarenta y tres», и, разумеется, текилы в сплющенной бутылке. Бутылочек было несколько сотен – и все маленькие, на два глотка. Таких бутылочек, которые выдаются бесплатно в самолетах любой авиакомпании мира (кроме родного «Аэрофлота», который, как известно, потчует своих пассажиров дешевым красненьким наразлив). Ну что такое маленькая бутылочка для пьющего человека? Какой-нибудь алкоголик осушил бы всю коллекцию Юрия Васильевича за два часа. Но доктор Панкратов не пил, он коллекционировал эти маленькие бутылки. И Лека не догадывалась, какую сокровищницу открывал сейчас перед ней добрый доктор.

– Лена... – Панкратов замялся. – Что ты предпочитаешь?

«Боже, до чего же я официален! Неужели я так и не смогу скинуть с себя эту деревянную маску?»

– Ух ты, блин! – Лека своей непосредственностью могла растопить любое ледяное сердце. – Сколько их тут! Это вы что, все в самолетах собрали?

– Нет, ну почему же? – Панкратов тут же почувствовал себя скрягой, в каждом рейсе набивающим свою авоську маленькими дармовыми бутылочками. – Конечно, я и сам много летал... Я тебе расскажу как-нибудь о других странах... Но в основном здесь – подарки. Знаешь, среди моих пациентов много богатых, уважаемых людей. Им приятно привезти мне из далекой страны какую-нибудь бутылочку, которой у меня еще нет. Разве ты не любишь получать подарки?

– Люблю. – Лека шарила глазами по полкам. – Вот это, может быть? Или это? Ой, я совсем не разбираюсь в напитках. Мы ведь с Демидом не пьем почти. Ну, он, бывает, смажет маленько, а я сто лет уже не употребляла... У вас джин-тоник есть? – вспомнила она наконец хоть что-то знакомое. – Только сладкий такой джин... Не помню, как он называется.

– Он называется «Larios» – произнес Панкратов. – Я сейчас сделаю тебе... У меня в холодильнике есть тоник хороший. Я сейчас...

Он торопливо схватил бутылочку с «Ларьосом» и ретировался на кухню. Лека осталась одна.

«Доктор мандражирует, – сказала себе Лека. – Он называет меня на „ты“, он хочет угостить меня выпивкой. Что это – маленькое начало большого съема? Или просто проявление дружелюбия?»

Ей хотелось верить во второе.

Лека была неглупой девочкой. Она была весьма умной девочкой, несмотря на то что мастерски умела изображать из себя полную дуру. Но на этот раз она обсчиталась по всем статьям.

Потому что прав оказался Демид.

Доктор Панкратов колдовал на кухне. Он налил в высокий фужер положенное количество джина, добавил положенное количество тоника, бросил два кубика льда. А потом достал из холодильника коричневый флакончик, сорвал с него жестяную крышку и точно отмерил в стакан два миллилитра прозрачной, почти безвкусной жидкости.

Снотворного.

Панкратов очень волновался.

– Вот, пожалуйста, – Панкратов протянул Леке фужер. – Тебе понравится. Садись. Вот сюда, в кресло. Пить стоя неудобно.

«Не хватало еще только, чтобы она свалилась и расквасила себе затылок».

– Спасибо. – Лека примостилась на краешке кресла и скрестила длинные свои ноги. – М-м, и вправду вкусно. А позвольте поинтересоваться, Юрий Васильевич, к чему все это? Джин в стаканчике, некоторая, я бы сказала, интимность обстановки... Это что, новая метода? Новый психологический подход?

– Да, именно так. – Доктор еле сдерживал себя от желания нетерпеливо зашагать по комнате, сцепив руки за спиной. – Я хочу, чтобы ты расслабилась, Лена. Ты очень напряжена. А нам с тобой предстоит очень важный разговор.

– О чем?

– О тебе. И о Демиде. О ваших с ним взаимоотношениях.

– Опять?

– Почему опять? Мы с тобой почти не говорили на эту тему. Сегодня я попытаюсь бесстрастно, без малейшей тени эмоций, проанализировать вашу ситуацию. Только факты, только спокойный психологический анализ. Ты согласна?

– Зачем? – На лице Леки отразилось легкое недоумение.

– Потому что то, что Демид делает с тобой, тормозит твоё продвижение по пути к душевному здоровью...

– Нет, так нечестно! – Лека вспыхнула и осушила одним глотком полстакана. – Нечестно по отношению к Демиду. Я знаю, что психотерапевт должен проводить такие беседы только в присутствии обоих партнеров. Надо позвать Демиду... Ничего он со мной такого не делает. Он любит меня...

Лека почувствовала легкое головокружение. Черт, надо ложиться спать пораньше. Впрочем, какой тут сон – одни кошмары.

– Зависимость, вот как это называется, – сказал Панкратов. – Психологическая зависимость. Даже сейчас ты не в состоянии принять собственное решение и обойтись без Демиды. Ты не хочешь взваливать на себя ни малейшей ответственности, в том числе за саму себя. Ты привыкла, что все решает Демид. В принципе, это могло бы быть нормальным. Но только не для тебя.

– Почему? – разговор уже начал надоедать Леке. – Я женщина. Мне приятно, что у меня такой мужчина – сильный и умный, что он заботится обо мне.

– Твой тип личности – совершенно иной. Ты сама – прирожденный лидер. И то, что ты полностью подчиняешься Демиду, идешь у него на поводу, нарушает природное равновесие твоего внутреннего ядра, глубинной твоей сущности. И это приводит в беспорядок твое сознание. Внутренний протест – вот основная причина бурь, которые бушуют в твоей душе.

– Как все просто, оказывается! – Лека прищурила глаз. – Убрать из моей жизни Демида, и все придет в порядок. Убрать человека, которого я люблю больше всего на свете, и жизнь моя станет счастливой. Извините, но это звучит как бессмыслица. Если не сказать...

– Если не сказать точнее – злой умысел? Нет, Лена, не упрощай ситуацию. И не подозревай меня в дурных намерениях. Я нейтрален. Единственное мое желание – помочь тебе, а заодно и Демиду. Потому что если вы перемените свои отношения, то будете жить счастливее. Хочешь, я открою тебе маленький секрет? В любой психотерапии клиент никогда не прав. Он не способен сказать истину, потому что не знает собственную природу.

– То есть, вы что хотите сказать? Что я сама знаю себя хуже, чем вы меня?

– Да, именно так. То, что ты знаешь о себе – только из области твоего сознательного. Но то, что угнетает тебя, что отравляет твою жизнь, относится к бессознательному. Это то, что ты не можешь познать сама, та часть твоего "Я", которая в психологии называется комплексами. Для тебя они невидимы и контролировать ты их не можешь. Зато они прекрасно видят твое "Я" и контролируют его как хотят.

– Ага, комплексы. Внутренние мои враги. И как же их уничтожить?

– Их нельзя уничтожить. Их можно только понять и подчинить своему сознательному началу. Изначально по своей природе человек здоров. А появление комплексов всегда говорит о том, что имеет место какое-то мощное постороннее воздействие – вредное для тебя, негативное. Твоя сущность отвергает это воздействие и оказывается выведенной из равновесия.

– Ага. – Лека помотала головой, ее все-таки определенно клонило в сон. – Извините, не выпалась сегодня. А вот сны мои дурные... Они-то как связаны с этими вашими... моими комплексами?

– Тебе снится, что ты – маленькая девочка, что убегаешь от родителей в лес. Ты ищешь там «Белую Девушку» – друга, способного дать тебе свободу. Такой сон напрямую свидетельствует о твоей болезненной зависимости от какого-то человека (я думаю, ты понимаешь, от какого) и стремлении твоим вырваться из-под этой опеки. Вырваться и восстановить равновесие и гармонию своего "Я", своей души...

– Белая Девушка, – пробормотала Лека тонким, детским голосочком. – Я не хочу уходить. Я хочу остаться березкой...

Панкратов вскочил как пружина. Пока он читал свою бесконечную лекцию, Лека заснула. Она полулежала в кресле с закрытыми глазами, черты лица ее сгладились, превратившись в безжизненно спокойную маску. Рука свесилась с кресла, а фужер лежал на ковре, и остатки джина расплзлись темным мокрым пятном.

Снотворное начало действовать.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ДОКТОРА ПАНКРАТОВА.

"...перед кем я оправдываюсь? Неужели в самом деле перед воображаемым следователем? Да нет, конечно. В моих действиях нет ничего, что могло бы нанести вред моей пациентке, а потому нет никакого криминала. Оправдываюсь я только перед своей профессиональной совестью. Потому что собираюсь погрузить свою пациентку в состояние гипнотического транса без ее ведома.

Уверен ли я, что гипноз ей необходим? Да, безусловно. Ее подавленные воспоминания блокированы удивительно стойко. И без гипноза не представляется возможным добраться до истинных амнезированных травмирующих переживаний прошлого, послуживших причиной ее болезненного состояния.

Планируемое лечение: ввести пациентку в особое суггестивное состояние психики (ОССП). Выявить причину расстройств и далее в процессе гипнотизации произвести вытеснение аффектов с изменением болезненной доминанты.

Говоря обычными словами: в состоянии гипноза человек может вспомнить то, что в состоянии бодрствования не вспомнит никогда. Когда я получу нужную информацию – узнаю, что такого ужасного случилось с девушкой в прошлом, то смогу внушить ей правильную установку на преодоление последствий этой душевной травмы.

Ничего необычного в этой процедуре нет. Рутинная процедура для рядового психотерапевта. Вероятнее всего, после сеанса гипноза пациентка даже не будет помнить, что этот сеанс был проведен. Но последствия для ее выздоровления могут быть очень значительными. Должен наступить настоящий перелом в ее психокоррекции! Я верю в это!

Проблема в том, что я не могу погрузить ее в обычный гипнотический сеанс.

Причины? Первая причина: Демид намертво внушил ей, что гипноз опасен для ее жизни. Об этом я уже упоминал. Но есть и вторая причина, куда более серьезная: Елена абсолютно не гипнабельна! Она невосприимчива к обычному гипнозу.

Чтобы проверить способность пациента к впадению в транс (гипнабельность), вовсе необязательно пытаться погрузить его в состояние сна. Есть специальные тесты, позволяющие выяснить восприимчивость к гипнозу даже без ведома пациента: приемы Констамма, Рожнова, Астахова, Баудоина, харьковская шкала-опросник. Я провел все эти тесты, и все они дали отрицательный результат. Увы! Не знаю, с чем это связано, но я никогда еще не видел человека, настолько невосприимчивого к гипнозу, как Елена Прохорова.

Но в запасе у меня остается еще одно мощное средство – внушение в состоянии наркотического сна. Это может снять одновременно и первую, и вторую проблемы. Я незаметно дам Елене снотворное, а когда она заснет, внутривенно введу ей так называемую «сыворотку правды» – амитал натрия. Я уверен, что это проявит все ее скрытые комплексы. Кроме того, в ходе гипнотического сеанса я внушу ей, что, когда она проснется, то все забудет. Таким образом, в выигрыше окажутся все – и доктор, и пациент. Я совершенно уверен в успехе задуманного..."

Доктор Панкратов был великолепным специалистом. Но на этот раз он ошибался.

А кто же был прав? Ну разумеется, Демид.

Такое у него было амплуа – оказываться правым во всех своих самых мрачных предчувствиях.

Доктор Панкратов наклонился над спящей Лекой и взял ее за руку. Пульс был ровным.

«Так, снотворное с кратковременным действием. Через десять минут она должна проснуться. Но я не дам ей сделать это.»

Панкратов взял девушку на руки и перенес ее на кровать. Поправил подушку под головой, и залюбовался. Девушка была так красива... Он даже наклонился в неосознанном порыве – поцеловать ее. И не сделал этого.

«Нет, не могу. Нельзя пользоваться ее беззащитностью. Сейчас я врач – и никто больше. Я вылечу ее. И вот тогда... Может быть...»

У доктора были свои комплексы. Он был слишком честным человеком. Болезненно честным. Что, однако не помешало ему сделать инъекцию амитала в вену своей пациентки.

Сначала кожа Леки, как и полагается, порозовела. Она глубоко вздохнула, пошевелилась, попыталась приподняться на локтях. Веки ее дрогнули.

– Лена, ты слышишь меня?

– Да... – еле слышный звук слетел с губ. – Кто ты?

– Я твой друг. Я тот, кто должен помочь тебе. Сейчас ты должна вспомнить все, что с тобой случилось. Вернуться в свой сон. Скажи мне, что с тобой происходит. Говори!

– Тучи... – Лицо девушки исказилось от страха. – Пришли черные тучи. Белая Девушка, не прогоняй меня! Дома меня накажут!

«Отлично, все идет, как надо! – Доктор Панкратов показал самому себе большой палец. – Получается!»

И чуть не вскрикнул от страха. Потому что существо, которое резко приподнялось и село на кровати, глядя на него светлыми, почти бесцветными глазами с вертикальными зрачками, очень мало походило на пациентку Елену Прохорову. Существо с бледной, почти прозрачной кожей и волосами, черными как смола.

Только Белая Девушка очень грустная сегодня. «Уходи, – говорит она. – Уходи, человечья девочка. Ты хорошая девочка. Но ветер сегодня плохой. Плохой туман был утром. Что-то случится сегодня плохое. Уходи, человечек, от беды подальше...»

Ленусик не хочет уходить. Она хочет остаться здесь. Остаться березкой. Но Белая Девушка сердится. «Уходи, уже пора, – говорит она. – Ты вернешься потом. Сегодня плохой день. День бурого ветра.» Девочка упрямится, но Белая Девушка не хочет ее слушать и выталкивает девочку из березки.

И девочка снова становится девочкой. Ей грустно. Она знает, что уже никогда ей не будет так хорошо.

И погода начинает портиться. Пока девочка была березкой, белые облачка испугались и убежали. Они испугались больших черных туч, которые закрыли все небо. И солнышка больше не видно, и вообще ничего не видно. И дождь – как польет! Холодный и мокрый дождь с градом – прямо с ног сбивает! Девочка бежит по тропинке – но это уже не тропинка, а грязный ручей, в котором она потеряла свои сандалики. Девочка громко плачет – ей холодно и страшно в лесу, и твердые льдинки града больно бьют по лицу и по рукам. Не закрыться ей от этого страха. И дорожка потерялась. Куда бежит – не знает.

Никогда девочке не было так страшно. Она совсем чужая в этом лесу. И добрые березки ее больше не слышат. А слышат ее какие-то страшные, совсем непонятные *страшилы*, и хохочут над ней, и протягивают к ней свои мохнатые лапы.

И девочка бежит все быстрее, и не замечает большого елового корня, змеей вытянувшегося на тропинке. Она спотыкается об этот корень, падает и ударяется лбом о камень.

Но ей совсем не больно. Потому что она сразу умирает.

Оглушительно хлопнуло окно – доктор не заметил, как началась гроза. Ливень забарабанил по подоконнику, вода лужей потекла по полу. Но доктор стоял как вкопанный, не в силах оторвать глаз от своей гостьи.

Густой аромат березовых листьев заполнил комнату. Существо, сидевшее на кровати, медленно поворачивало голову. Станные огромные глаза его не моргали.

Девушка. Очень красивая девушка – вот кем было это существо. Девушка не человеческого рода.

Девочка умирает. Совсем умирает. И душа ее больше не вернется в тело.

Но только тельце ее не остается пустым. Та, кто бежала за ней, и пыталась догнать, и спасти от смерти, впархивает в ее тело. Белая Девушка. Это она, фея берез. Она впархивает в тело девочки, и сердце девочки снова начинает биться. Только зря ты сделала это, Белая Девушка. Потому что это вредно для тебя, Дух Березы. Не для тебя человеческое тело, не для тебя... Ты сразу забываешь, что некогда была Белой Девушкой. Теперь ты никто – потерянный лесной Дух в живом теле человеческого детеныша.

– Лена! Ты слышишь меня? – голос вернулся к доктору Панкратову. – Ты спишь, ты засыпаешь все глубже и глубже! Ложись на кровать. Ты будешь спать легко и спокойно, ты будешь спать два часа, а когда проснешься, забудешь все, что с тобой сейчас случилось. Ты проснешься здоровой, в хорошем настроении...

«...подавить осложнения при гипнотизации обычно легко удастся резким повелительным приказом спать глубже...»

Девушка медленно поднялась над кроватью. Именно поднялась – повисла в воздухе. Сердце доктора дало перебой и едва не остановилось, когда он увидел ее улыбку: тонкие, почти белые губы раздвинулись и обнажили ряд безупречно ровных, мелких зубов.

Все они были треугольными, словно подточенными напильником.

– Елена! Немедленно ложись на кровать!!! – голос Панкратова сорвался на писклявый визг. – Я приказываю тебе!

Он рванулся к ней, схватил ее за руку, собираясь мягко, но настойчиво вернуть ее в горизонтальное положение. Собираясь вернуть нормальный порядок нормальных вещей. Но существо едва повело плечом, оказавшимся твердым, как дерево, и доктор полетел через всю комнату, распластался в углу как лягушка.

«Бежать, – мелькнуло в его голове. – Удрать к чертовой матери. В конце концов, я психолог, а не экзорсист.»

Теперь доктор Панкратов верил в потусторонние силы. Он увидел их собственными глазами.

Маленькую девочку находят в лесу на следующее утро. Она живая. Она спит на тропинке под большой березой и на лбу у нее большая ссадина.

Все люди вокруг улыбаются. А папа плачет. И мама плачет, и поднимает на руки свою девочку. Девочка открывает глаза. Только она совсем не узнает свою маму.

– Леночка! – кричит мама. – Ленусик! Доченька моя, милая! Куда же ты убежала, глупенькая?

– Лекаэ, – говорит девочка. И мама не узнает ее голос.

– Кто ты? – прошептал доктор.

– Лекаэ, – сказала существо. Оно закрыло глаза и медленно опустилось на кровать – плавно как березовый лист, сорванный ветром и падающий на землю.

Доктор Панкратов поднялся, хватаясь за стену, и побрел к окну. Гроза стихала. Его знобило. Он чувствовал себя так, словно состарился за эти полчаса на несколько жизней.

На кровати лежала девушка. На кровати крепко спала девушка по имени Лена Прохорова. Это снова была она. Только доктор Панкратов больше не хотел убежать с ней на Сейшелы. Он боялся ее.

Он вылечился от своей любви. И это было единственным положительным результатом сегодняшнего дня.

ГЛАВА 8

Демид вернулся домой с работы около пяти вечера, но в подъезд попасть не смог. Подъезд перекрывала новенькая, еще не крашеная железная дверь с кодовым замком.

– Это еще что такое? – Демид обратился к бабулькам, несущим неусыпную стражу на скамейке.

Голова его гудела после бессонной ночи. Конечно, он мог бы запереться где-нибудь в лаборантской и поспать пару часиков на кушетке. Но он не сделал этого. Он боялся остаться наедине со своими мыслями. Боялся, что проснется его внутренний голос и начнет объяснять все произошедшее. Демид не хотел знать ничего, а потому весь день работал до изнеможения, бегал по всем этажам, и пил кофе чашку за чашкой. Сейчас он просто валился с ног. И очень надеялся, что заснет сразу, как только доберется до дивана.

*Errare humanum est*¹⁹.

– Дак это ж дверь поставили новую, с замком кнопчатым, – пояснила самая услужливая старушка, Клавдия Степановна, соседка Демиды по лестничной клетке. Остальные дружно кивнули головами, подтверждая этот, безусловно, выдающийся факт.

– Ага... Понятно... – Дема почесал в затылке. – А зачем?

– Дак зачем? Чтоб не мотались всякие! – Клавдия Степановна даже привстала от скамейки от волнения. – Ведь это ж что ж творится, господи-светы? Вот не иначе как в позапрошлый вечер, значит, выглядываю я, это, в глазок. Выйти, значит, хотела на улицу, свежим воздухом подышать. Ну и в глазок, понятно, выглядываю – вдруг там какой-нито бандит приبلудился. Так что ты думаешь, Демид, на полу собака лежит! Агромадная, каких и на свете-то не бывает! Ну как же тут выйти-то?!

Она посмотрела на своих товарок и те снова утвердительно кивнули, как будто смотрели в тот же глазок одновременно с Клавдией Степановной.

– Собака, говорите? – Демид заинтересовался. – А какая собака-то, не рассмотрели? Порода какая?

– Дак разве ж я в породах этих разбираюсь? Говорю тебе, агромадная! – Клавдия Степановна входила в азарт. – Оно, конечно, плохо через энтый глазок-то видно. Но только я вот что скажу – собака была необычная. – Старушка подняла вверх указательный палец. – Шкура хоть и грязная, только видно, что цвет у нее какой-то необнакновенный. Розовый, что у поросенка. А уж рожа-то, рожа была у этой животной, как у черта!

– Вы думаете? – Демид все еще отказывался верить своим ушам.

– Христом-богом клянусь! – Бабуля поправила толстые очки, за отсутствием одной из дужек приделанные к голове бельевой резинкой. – Я, оно конечно, подробностей не помню. Только как глянул на меня этот черт, прямо скрозь глазок-то, как кипятком меня окатило! Отпрянула я, насили чуть не упала. Аж сердце затрепыхало. Я пошла корвалол пить, а потом думаю: «Дай-кось, позвоню в милицию». А ведь телефона-то у меня и нету! Опять же к тебе, Дема, надо идтить. А как тут выйдешь-то? Хошь плачь! Выглянула я обратно, а ничего и не видно. Глазок-то с той стороны, вроде как кровью замазан! Как я тогда инфаркту нехватила, просто не знаю!

Клавдия Степановна плюхнулась обратно на скамейку, слегка придавив остальных старушек, и схватилась за сердце.

– А, это, значит, утресь спускаюсь я, значит, за хлебом, – вступила в разговор Дуся – сморщенная бабулька без отчества, но в валенках с галошами. – А на площадке-то вашей, господь ты мой, такая вонишша стоит, словно, прости господи, помер кто. Я к Клаве и торк-

¹⁹ Человеку свойственно заблуждаться (лат.)

нулась. А Клава-то мне, вишь ты, и не открывают! Кричит истошным криком из-за двери: «Изыди, Сатана окаянная, в ад, а нето милицию вызову!» Ладно, хоть муж ейный, Лукич, с работы возвращался. Он ведь сторожем работает. У его ключ был, он дверь-то и открыл. Так Клавка-то там стоит со швабером! Обороняться собралась! Вот испужалась-то как!

– Ясно. – Настроение Демида, и без того паскудное, превратилось в маленькую кучку навоза.

– А опосля этого мы собралися, значит, – Клавдия Степановна снова воспряла духом, – и пошли к председателю. У нее ведь дверь-то давно запасена стоит в подвале. В прошлую зиму еще денежки собирали, помнишь? И говорим: «Ставь, значит, дверь-то, или мы к мэру жаловаться пойдем. Спасу никакого нет. И так народ довели, пенсию не плотют, а тут еще собаки розовые по площадкам валяются! В старые времена такого не было!» Ну, тут как раз сварщик Сережка трезвый приключился. Вот и поставили...

– Код какой? – мрачно поинтересовался Демид.

На лестничной площадке воняло уже меньше, но крепкий мертвецкий запах еще не выветрился.

Позапрошлый вечер. Король Крыс побывал здесь, как только сбежал из лаборатории.

«Дема, ты получил мой подарочек?»

Лека спала на диване. Вид у нее был измученный.

«Явилась. Где шлялась прошлой ночью, черт знает... Впрочем, это и к лучшему. Слава Богу, она не присутствовала при наших разборках с Антоновым.»

Демид пошел на кухню. Пошвырялся в холодильнике, нашел пачку пельменей. Налил воды, поставил кастрюлю на огонь. Включил телевизор.

– Криминальная хроника Нижнего Новгорода, – сказала симпатичная девушка-ведущая. – Сегодня угнано пять машин, из них одна уже найдена. Двадцать семь автодорожных происшествий, одиннадцать из них – в нетрезвом виде. Совершено двенадцать краж, из них три раскрыто по горячим следам. Студент Сельхозакадемии пытался влезть в форточку и был взят с поличным...

Демид ковырял спичкой в зубах.

...найден труп женщины тридцати пяти-сорока лет. На теле – большое количество укусов и рваных ран. Можно предположить, что женщина погибла в результате нападения одичавших собак, но родственники погибшей утверждают, что пропало также значительное количество золотых украшений. Кроме того, эксперты-криминалисты утверждают, что характер нанесенных повреждений не соответствует картине, типичной для укусов собак...

«Надо было сжечь этого Короля Крыс. А если бы не получилось, взорвать вместе со всей лабораторией. Хотя кто знает, помогло бы это?..»

Демид встал и побрел в комнату. Есть пельмени ему расхотелось.

– Лека... – затормошил он свою подружку за плечо. – Лека, хватит спать.

– А? Что?... – Лека испуганно взметнулась в постели. – А, это ты, Дем...

– Ты где была прошлой ночью? Почему домой не вернулась? Позвонить не могла?

– Я это... Сама не знаю... – Лека и сама плохо соображала, где она провела эту ночь – кажется, в больнице. Вчера утром она пошла к своему доктору Панкратову. И там вырубилась. Доктор сказал: «синкопальное состояние» – обморок с выпадением сознания. Интересно, куда оно выпадает? Доктор сказал, что сам не мог привести ее в чувство, и поэтому

привез ее в больницу. Лека проснулась следующим утром в больничной палате, с иглой капельницы в вене. И удрала оттуда, категорически отказалась оставаться. Хотя чувствовала себя отвратительно.

– Чего ты не знаешь? Можешь придумать хоть что-то путное, если не хочешь говорить правду?

– Ага, – Лека послушно кивнула головой. – Я у подружки ночевала.

– У подружки... – Взгляд Демида был нечеловечески усталым. – Ладно, пойдет в качестве рабочей версии. Ну что, начудил все-таки твой гениальный доктор?

– Нет, он тут не при чем! – Не хватало только, чтобы Демир начал разборки с Панкратовым. Ушлый доктор выкрутится, а вот Демир непременно напортачит... – Дем, – Лека погладила Демида по руке. – Ты не переживай. Я больше не пойду к Панкратову.

– Я не из-за него переживаю. Мне сейчас не до твоего доктора. Вот что скажи мне – позавчерашней ночью ты поздно вернулась, я уже спал. Ты ничего такого не видела на лестничной площадке?

– Вонь там стояла... Грязь, все какой-то слизью перемазано. И ничего не видно – кто-то снова лампочку разбил. Да, вот еще что! Кольцо ты свое на площадке уронил. Я его в коробку положила.

– Какое еще кольцо? – взвился Дема. – Ты что, не знаешь, что у меня никаких колец нет?!

– Ну, перстень такой. Печатка золотая, там еще буква "Д" нарисована. Я решила, что это твоя вещичка.

– Ты с ума сошла – таскать в мой дом всякую дрянь! Ну, спасибо! Это же «подарочек» от...

Дема резко тормознул.

– От кого? – Лека пристально глянула в глаза Демида.

– Да так, ни от кого...

– Что-то случилось, – сказала Лека с утвердительной интонацией. – И ты от меня это скрываешь.

– Потом, потом... – Демир сорвался с места и направился к полке, вороха бумаг полетели на пол. – Черт возьми, где это?! Где твоя гребаная шкатулка?!

– Не кипятись. – Лека поспешно натягивала джинсы. – Я сама не помню. Где-то лежит. Вот она, кстати! – Она вытащила из-под стола палехскую лакированную коробочку и открыла ее, поднесла руку к перстню.

– Не трогай!!! – Дема заверещал так, что бедная Лека едва не выронила шкатулку. – Дай сюда!

– Нет, что случилось-то?

Демир молча отобрал коробку у Леки и уставился на перстень – тот самый, который Демир извлек из желудка Короля Крыс при вскрытии. И теперь Король Крыс вернул перстень Демиду. В качестве подарочка.

Дема стоял и молча таращился на золотую печатку в коробочке. Конечно, это не буква "Д", это стилизованное изображение паука. И еще какой-то орнамент, ни на что не похожий – он не был знаком Демиду, но вызывал какие-то странные, полузабытые и не слишком приятные ассоциации.

Возможно, ТОГДА Демиду приходилось видеть нечто подобное.

симпатичное колечко

Внутренний голос проснулся.

«Что это такое?» – впервые Демир снизошел до вопроса к своему alter ego, обратился к нему за советом.

это всего лишь артефакт. золотой артефакт

«Что такое артефакт?»

вспомни. ТОГДА у тебя было много серебряных артефактов. артефакт – это механическая магия

«Он опасен для меня?»

сейчас нет. но может стать очень опасным. он золотой. никогда не надевай золото. оно опасно для тебя

«Что мне делать с ним?»

можешь избавиться от него. хотя это бесполезно. это ТВОЙ подарок. и когда наступит время он снова найдет тебя. сам найдет тебя. когда наступит плохое время

«Так он может принести мне какую-нибудь пользу? Или это бомба замедленного действия?»

это решит fatum

«Ты можешь сказать что-нибудь определенное, если уж я начал с тобой разговаривать?»

Молчание. Внутренний голос заткнулся.

– Скотина, – сказал Демид. – Никакого от тебя толка, кроме бессвязного бормотания.

Лека молча обиделась – приняла эти слова на свой счет.

Сумерки. Демид разровнял ногой землю на месте, где только что зарыл перстень. На пустыре недалеко от дома. Можно, конечно, было закопать его где-нибудь подальше – утопить в реке, бросить в жерло сказочной горы под кодовым названием Ородруин. Только какой в том смысл? Кольцо и так вернется к Демиду – хочет он того или нет.

Fatum²⁰.

Кто-то тронул Демида за плечо.

– Привет. – Перед Демой стоял Валерий Федорович Антонов собственной персоной. Выглядел он так, как будто его два часа сапогами пинали.

– Привет... – Демид вяло пожал майору руку. – Как дела?

– Хреново. – Антонов удрученно покачал головой. – Пролет, полный пролет. Мы с тобой в полном дерьме, коллега.

– При чем тут я? – Дема усмехнулся. – Меня с работы не выгонят. Это тебе не повезло, майор. Что случилось-то?

– Все сделал, как договорились. Собаку пристрелил подходящих размеров. Даже шкура более или менее похожая – ну, где шерсть длинная, подравнивал ножницами. Нарезал несчастную животину как шницель – хрен поймешь, обычная собака это или мутант. Череп ей снес, зубные протезы твои вставил. Все бланки нарисовал – идентификация дентина и зубной эмали, гистология тканей. Все соответствует собачьей ткани – собака и есть собака, только мутант. Все шито-крыто. Да никто особенно и не интересовался, что я там такого особенного найду. У нас в учреждении более важных дел хватает.

– Как же ты прокололся? И так быстро?

– Стукнул кто-то. – Майор прислонился к дереву и зашарил по карманам в поисках сигарет. – Сердцем чую, донес кто-то на меня, какое-то заинтересованное лицо. Не пойму только, в чем заинтересованное? Такой тарарам поднялся... Рассказывать даже сил нет. Имели меня во все дыры четыре часа кряду. Послушать начальство – так теперь важнее это гребаного мутанта во всем отечестве нету. Труба... Не знаю, как и выкручиваться.

²⁰ Судьба (лат.)

– Ну, покажи им кассету, в конце концов... Может, поверят? – Демид замялся. – Не хочется мне, чтобы имя мое на божий свет в этой истории выплывало, сам понимаешь... Но если для тебя нужно – Бог с ним, показывай.

– Кассета! – Антонов хрипло хохотнул. – Нет больше никакой записи! Чистая пленка! Стерто все к чертовой матери, как будто и не было ничего. Может, нам с тобой и вправду все примерещилось?

– Стерто?! Кто стер?

– Не знаю. – Антонов устало потер виски. – Ничего уже больше не знаю. Я думаю только о том, как со службы не вылететь. Теперь бывшему военному на работу устроиться – сам знаешь, каково... Есть, у меня, конечно, одно прикрытие. Есть кому за меня заступиться. Сам понимаешь, все мы не без связей... Тяжелая артиллерия, так сказать. В конце концов, ничего убийственного я не совершил. Идиот я, конечно, что подделывать этого урода начал. Ну, украли этого мутанта, и украли. Не я же его украл! На кой черт мне эти сорок килограммов собачьего трупа? А теперь я под подозрением...

– Извини, что так тебя подставил, – Демид положил руку на плечо майора. – Это ведь моя идея насчет подделки была. Извини, Валерий...

– Ладно... – Антонов ухмыльнулся. – Я тоже хорош был. Слава Богу, хоть тебя вчера не подстрелил. Не бойся, я тебя в это дело не втяну. Твое участие все настолько запутает, что, пожалуй, даже на оргпреступность потянет. Сам разберусь.

– Шанс?

– Процент девяносто, что выпутаюсь. Они меня еще не знают, сосунки! Пороху не нюхали!

– Ну, успехов тебе тогда. – Демид протянул руку.

– Бывай. Может, и не увидимся больше. Хороший ты парень, Дема, но сердце чует – держаться мне от тебя нужно подальше. Слишком много нечисти вокруг тебя крутится. А я такого не люблю. Я, знаешь ли, привык, чтобы все понятно было.

– Я тоже люблю, когда все понятно. – сказал Демид. – Но как-то не получается. Такой вот Фатум.

ГЛАВА 9

Прошла неделя. А потом еще одна. Две недели прошло с тех пор, как жуткое существо по имени Король Крыс сбежало из лаборатории. Две недели Демид жил в постоянном ожидании. В каждом шорохе за спиной чудилось ему царапанье убийственных когтей, в каждом детском крике с улицы слышался предсмертный визг очередной жертвы, каждый звонок в дверь заставлял вздрагивать – казалось, открой он сейчас, и на пороге появится знакомая оскаленная морда.

«Привет, Защитничек. Ты ждал меня?..»

Но ничего не происходило, даже стало как-то спокойнее. Наступила летняя жара и разморенные зноем горожане лениво передвигались по улицам, вяло реагируя на происходящее вокруг. Демин «жигуль» в очередной раз забарахлил и Дема бросил его на стоянке – чинить самому было неохота, а на сервис денег не хватало. Лека перестала ходить к своему психотерапевту, и ничего страшного не произошло – стала больше сидеть дома, даже обед иногда готовила, дурной сон ей больше не снился. Друзья все поразъехались – кто на дачу, кто на юг. Звали Демида в поход на байдарках, но он лениво отнекивался – занят, мол. Подходящие иностранцы на горизонте не маячили – все больше туристы, старички и дамочки в жеваных шортах – слезали с теплоходов и любопытными стайками шлялись по улицам. Какое им дело было до деминой мясной линии? Даже внутренний голос Демида не подавал признаков жизни – может быть, ушел в летний отпуск, а может, решил, что и так слишком много наболтал во время последнего откровенного разговора.

Все было мирно, обычно и обыденно. Если не считать нескольких странных убийств в городе. Но мало ли гадостей происходит в городе, где живет полтора миллиона людей? Всегда найдется придурок, который пырнет ножом какую-нибудь дамочку в темном переулке и позаимствует у нее золотые сережки вместе с ушами. Или негодяй, который натравит собаку на спящего бомжа – да так, что целыми останутся только ботинки. Или наркоман, который намалюет чужой кровью на стене изображение паука.

В городе было душно.

Демид ждал. Ему хотелось верить, что все плохое уже прошло, но он знал, что самое плохое еще и не начиналось. Он ждал. А что еще ему оставалось делать?

– Товарищ Коробов здесь проживает?

– Да, – сказал Демид.

– Коробов Демид Петрович? Это вы будете?

– Я. Буду.

– Распишитесь в получении повестки.

Молодой румяный парнишка в милицейской форме протянул листочек и Демид дисциплинированно изобразил загогулину в графе против своей фамилии.

Когда его в последний раз вызывали к следователю? Лет пять назад. Тогда Дема был помоложе и еще не так заботился о своей репутации. Он светился во всякого рода авантюрах, и если не в качестве обвиняемого, то в качестве свидетеля всегда можно было его привлечь. Впрочем, как всегда, без особых последствий. Демид умел замечать следы.

«Что такое на этот раз?»

Пару – тройку незаконных текущих делишек можно было навесить на Демида и сейчас. Но на вызов к следователю они никак не тянули – разве что на разборки с налоговой полицией. А вернее всего, на пару пузырей коньяка нужному человеку, не более того.

– А по какому поводу меня... Вы не в курсе?

Мент с удивлением поглядел на Коробова. Вместо испуга на физиономии товарища Коробова светилось здоровое любопытство. Демид выглядел подозрительно доброжелательно и даже добропорядочно, смотрел на милиционера с такой милой улыбкой, что милиционеру захотелось немедленно нацепить на Демида наручники, а, может быть, и угостить дубинкой по спине.

– Завтра объяснят. В одиннадцать ноль-ноль – к следователю Фоминых. За неявку – сами понимаете...

Служивый козырнул и удалился. Демид стоял и задумчиво смотрел ему вслед.

В десять пятьдесят девять Демид бодрым шагом вошел в Городское управление Внутренних Дел. Однако обнаружилась определенная проблема. К кабинету, номер которого был указан в повестке Демида, выстроилась небольшая очередь. Трое людей не самого благопристойного вида подпирали шершавую тусклую стену, лет десять назад крашеную желтой краской; еще двое сидело на корточках. Ни стульев, ни скамеек в коридоре почему-то не полагалось.

Дема прошествовал мимо них без задержки и решительно взялся за ручку двери кабинета.

– Э-э, браток... – кто-то схватил его за руку. – Ты, что-то резвый, однако. Тут очередь...

– Гражданин! – Демид глянул со всей строгостью. – Что вы себе позволяете?! Какой я вам браток? Руку уберите, пожалуйста! Я при исполнении, понимаете, а вы тут рукою!...

– А, пардон... – парень слегка усох при слове «гражданин» – но сдаваться не собирався. – А при какой должности, так сказать, состоите? Потому что я здесь уже два часа порог обиваю. Попасть внутрь не могу. Развели бюрократию... Да еще вы без очереди. Откуда я знаю?..

– Разберемся, – отрезал Демид. – Я – гимназиум²¹. На общественных началах. Так что сейчас разберемся. Разрешите...

Он вошел внутрь и захлопнул за собой дверь. Отрезал себе путь к отступлению.

В кабинете была только одна женщина. Стройная и даже симпатичная женщина лет сорока в белой блузочке и синей форменной юбке. Она, как и полагалось машинистке, бодро лупила по клавишам электрической печатной машинки и одновременно курила сигарету.

– Куда рветесь? – она посмотрела на Демида, словно на таракана. – Я же русским языком сказала – вызову! Ждать в коридоре! Всех вызову согласно повестке.

– В таком случае, – Дема сделал еще шаг вперед, – меня должны были вызвать уже четыре минуты назад. Потому что сейчас – одиннадцать часов четыре минуты. Не подумайте, что я скандалист и формалист, просто я ценю свое время. Никакого криминала на мне не висит. И если я немедленно не увижу следователя Фоминых, то сам больше сюда не приду. Если вы хотите предъявить мне обвинение или привлечь в качестве свидетеля...

– Подождите, подождите... – Женщина что-то искала бумагах, аккуратно прищипленных друг к дружке скрепками. – Вы у нас Коробов Демид Петрович?

– Он самый.

– Садитесь, – женщина показала на стул напротив.

²¹ Латинское название рода кактуса.

– А следователь?..

– Следователь – это я. Фоминых Ольга Игоревна. Присаживайтесь.

– На сколько лет присяду-то, начальник? – проворчал Дема, скрипя стулом.

– Демид Петрович, ну зачем же вы так, зачем вы криминальную терминологию применяете?.. Вы же не из этих... – Ольга Игоревна кивнула на дверь. – Вы интеллигентный человек, ученый. И никакого обвинения мы вам выдвигать не собираемся, а наоборот, хотели бы проконсультироваться с вами по некоторым узкоспециальным вопросам. Привлечь, так сказать, в качестве помощника на добровольных началах...

– В качестве ЭКСПЕРТА, что ли? – Демид ожидал чего угодно, но только не этого. История повторялась. В виде трагедии? Да нет, это уже походило на фарс. – А что, если я не соглашусь?

– Можете не согласиться. – Фоминых деловито придвинула к Демиду папку. – Но все же посмотрите сперва. Там, внутри, кое-какие документы. Не очень-то приятно, я понимаю...

В папке были фотографии. Только фотографии. Расчлененные тела, оторванные уши, пальцы. Кольца, серьги. И на каждой фотографии стояла дата. Все снимки были сделаны в течение последних двух недель.

– Ну, что скажете?

– Ужасно. – Дема захлопнул папку. – Совершенно мне это не понравилось. Не нравятся мне такие штуки. Это что, маньяк-убийца?

– Демид Петрович! – Фоминых укоризненно покачала головой. – Я считала, что имею дело со взрослым, ответственным человеком. Люди гибнут один за другим, а вы из себя непонимающего строите! Натворили дел, понимаете, а нам теперь расхлебывать!

– Каких дел? – пробормотал Демид. – Я никого не убивал.

– Да я не про вас! – Следователь махнула рукой. – Я про коллег наших из ФСБ. Упустили ведь зверюгу. Раздолбаи, извиняюсь. Взялись не за свое дело. Говорили же мы им: «Наше это дело, уголовное.» Нет, они уперлись: секретный объект, мол, радиация и все такое! Увезли зверюгу с собой, хотя брать ее в логове нам пришлось. Нет, понимаете, вечно вся черная работа на нас ложится, а они – на готовенькое. Аристократы! Засекретили все к чертовой матери! Вот и проворонили! Олухи, одно слово, нюх потеряли! – Фоминых доверительно наклонилась к Демиду через стол. – Заняться им сейчас нечем, вот и хватаются за все, что попало. Хотят показать, что еще чего-то стоят! А дело-то и впрямь наше, и не думаю, что особо сложное. Слава Богу, сейчас не времена дурной перестройки, когда все развалили. Если надо, и людей найдем, и средства. Нет, вы подумайте, по две-три жертвы в день. Это просто война какая-то!

Карты были раскрыты, только Демид не знал, с какой ходить – с туза или шестерки. С короля? А почему бы и нет?

– Король... Король Крыс? Это он убивает людей?

– Король Крыс? – Фоминых глянула на Демиду с недоумением. – Вы что имеете в виду?

– Ну, мутант этот. Мы его Королем Крыс называли.

– Интересно... А почему Король Крыс? Он же не крыса, он – собака.

– Вы думаете?

– Я вообще ничего не думаю. – Фоминых категорично захлопнула папку. Она говорила так, как говорят люди, обо всем на свете имеющие собственное мнение. Чужое мнение интересует таких людей только по особому приказу начальства. – Это ваше дело – разобраться, что оно из себя представляет, это животное.

– А почему вы думаете, что я буду разбираться?

– Потому что это ваша вина. Ваша и этого... майора Антонова. Вместо того, чтобы своевременно произвести вскрытие, вы проявили халатность. Вы даже не смогли опреде-

лить, что он еще жив, и дали, таким образом, сбежать ему на свободу. А вот результат! – Она хлопнула рукой по фотографиям.

– Но ведь мы... – Демид собрался было рассказать, что зверя разрезали по всем правилам, что он не мог ожить после этого по всем законам природы, но все равно ожил, слепился из кусочков в единое целое, что он ожил и даже заговорил человеческим голосом, что это вообще не зверь, и нельзя к нему подходить с обычными мерками, и, собственно, он даже нельзя сказать, что в этом случае можно сделать, и что майор Антонов ни в чем не виноват – кто может быть виноват, что налетела буря, случилось землетрясение или извержение вулкана?... Демид поглядел в глаза следователя Фоминых и осекся. Этой бесполезно было говорить что-либо о сверхъестественных силах. Она верила только в то, что могла увидеть своими глазами.

– Что вы сказали? – переспросила следователь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.